

The background of the cover is a photograph of a lake. In the foreground, there is a rocky shoreline with various sized stones and some green vegetation. A tree with green leaves is on the left side. The water is a clear, vibrant blue, and the sky is a pale blue with some light clouds. The text is overlaid on the upper right and center of the image.

Г. Г. Зубков
В. П. Зубкова
Л. Г. Зубкова
Н. Г. Зубкова

МИР и ВОЙНА

В ЖИЗНИ нашей семьи

Георгий Георгиевич Зубков
Нина Георгиевна Зубкова
Людмила Георгиевна Зубкова
Вера Петровна Зубкова
Мир и война в
жизни нашей семьи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42563252

Мир и война в жизни нашей семьи / Сост и общ. ред. Л. Г. Зубковой:

ЯСК; Москва; 2019

ISBN 978-5-907117-42-6

Аннотация

История народа воплощена в жизни отдельных семей. Россия – страна в основе своей крестьянская. Родословная семей с крестьянскими корнями не менее интересна, нежели дворянская. В этом убеждает книга «Мир и война в жизни нашей семьи», написанная Георгием Георгиевичем Зубковым, Верой Петровной Зубковой (урожд. Рыковой) и их дочерьми Ниной и Людмилой. В книге воссоздается противоречивая и сложная судьба трех поколений. *В довоенные годы* члены семьи были не только активными строителями новых отношений на селе в ходе коллективизации, индустриализации и культурной

революции, но и несправедливыми жертвами раскулачивания и репрессий вследствие клеветнических доносов. *Во время Великой Отечественной войны* все четверо стали узниками фашизма с 22 июня 1941 г. по 8 марта 1945 г. и чудом не погибли не только в фашистских застенках, но и по пути на Родину. *В послевоенный период* вплоть до наших дней пришлось пережить все тяготы как быстро преодоленной послевоенной разрухи, так и чудовищного уничтожения Советского Союза, которое все еще тянется. Эту книгу с интересом прочтут все желающие постичь историю своей страны и своего народа – от школьников и студентов до людей среднего и старшего возраста.

Содержание

Предисловие первое	9
Предисловие второе	12
Благодарности	14
«Я, Георгий Зубков, коренной житель Павшина...»	19
Часть I	41
Вехи и картинки жизни	42
Баба Анна	44
Папанька	48
Мама	76
Последние годы папаньки	118
Мама после смерти папаньки и в войну	123
Часть II	134
Моя жизнь до Великой Отечественной войны	136
Конец ознакомительного фрагмента.	148

**Георгий Георгиевич
Зубков, Вера Петровна
Зубкова, Людмила
Георгиевна Зубкова,
Нина Георгиевна Зубкова
Мир и война в
жизни нашей семьи**

*Священная память непокоренным узникам
фашизма*

*Низкий поклон моим милым самоотверженным
родителям и обожасемой добросердечной сестре
– Вере Петровне, Георгию Георгиевичу и Нине
Георгиевне Зубковым*

Благословляющая десница Спасителя (Купол собора Рождества Богородицы) Из серии «Фрески Ферапонтова монастыря», 1995–2002 гг. Фотография Юрия Холдина, 1997 г.

Узники фашистских лагерей в Литве и Германии с 22 июня 1941 г. по 8 марта 1945 г.

Родители Вера Петровна и Георгий Георгиевич Зубковы и их дочери Людмила и Нина (фото 1955 г.)

В оформлении переплета использованы фотографии озера Байкал О. Щербаковой

© Л. Г. Зубкова, 2019

© Ю. И. Холдин, наследники, фотография фрески на фронтисписе, 2019

© Издательский Дом ЯСК, 2019

*С благоговением и нежной любовью.
Всегда Ваша
Людмила*

Предисловие первое

Семья наша небольшая – *papa* (1910–2008), уроженец села Павшино Московской области (сейчас оно слилось с г. Красногорском), мама (1914–1994), уроженка д. Рахманово близ Волоколамска, *старшая дочь* Людмила (1938) родилась в г. Иркутске, куда папа был направлен на работу по окончании Московского инженерно-строительного института, *младшая дочь* Нина родилась на исходе 1941 г. в Литве в г. Калвария на польско-литовской границе, где папа за два месяца до начала войны стал работать в качестве гражданского инженера на строительстве оборонительных сооружений.

Все наши предки принадлежат к коренным москвичам, и за пределами Московской области родных у нас нет.

Мамин род восходит к началу XVI в. Его основателем считают дьякона Иосифо-Волоцкого монастыря. Дьякон этот обладал зычным, громким, гулким голосом, за что он сам и его потомки, заселившие расположенную рядом с монастырем д. Рахманово, стали называться Рыковыми.

Папина родословная не изучена. В XIX в. и в начале XX в. дедушка и папа носили фамилию Савины (и в Павшине таких семей было много). Позднее одни семьи остались Савиными, другие, в том числе наша, стали именоваться Зубковыми.

Предлагаемые вниманию читателя записки включают воспоминания мамы и папы. Части I и II написаны папой и мамой и охватывают «мирный» период – до начала Великой Отечественной войны. Часть III «ВОЙНА» содержит воспоминания папы от 22 июня 1941 г. вплоть до 19 августа 1945 г., когда папа вернулся домой.

Мы с мамой вернулись еще позднее, потому что после нашего освобождения 8 марта 1945 г. мама как экономист работала бухгалтером на одной из советских военных баз неподалеку от Берлина. Затем ей и двум партизанкам-белорускам выделили бричку в придачу к стаду коров, которое надо было гнать к Бресту через Восточную Германию и Польшу по еще не разминированным дорогам, где к тому же орудовали бандеровцы и другие банды. В результате нам удалось вернуться домой лишь в конце октября – начале ноября.

Послевоенные годы для нас были трудными. Жизнь начиналась с нуля, а значит, с голода и нищеты. Все осложнялось болезнями, нажитыми в немецкой каторге, трудностями с жильем, а также тем, что папа никак не мог найти достойную работу по специальности. Дело в том, что до хрущевской оттепели семья находилась под надзором НКВД. И даже среди родных одни следили за нами (по заданию органов), другие остерегались общаться с нами. Но и в эти самые трудные после возвращения годы мы были счастливы несмотря ни на что: ведь мы дома, на Родине, и мы вместе. Это главное.

Теперь мамы и папы уже нет, и нам хотелось бы, чтобы

память об этих замечательных людях и их родителях жила не только в наших сердцах.

Своими воспоминаниями и литературным творчеством папочка заложил основу данной книги и, несомненно, заслужил долгожданную наивысшую оценку «Молодец, Отец!».

Воспоминания мамочки, воссоздающие ее горестную и драматичную судьбу в детстве и юности; ласковые письма дочерям, исполненные заботой и любовью; интересные и информативные дневниковые записи – всё это как нельзя лучше раскрывает ее незаурядную любящую натуру – мудрую, добрую, самоотверженную.

Людмила и Нина Зубковы

Предисловие второе

Книга «Мир и война в жизни нашей семьи» содержит воспоминания родителей и двух их дочерей. По сути, это летопись жизни трех поколений одной семьи на протяжении XX в. со всеми его сложностями и противоречиями. По сути, это летопись жизни трех поколений одной семьи на протяжении XX в. со всеми его сложностями и противоречиями.

В довоенные годы старшие члены семьи не были пассивными наблюдателями становления и укрепления советской власти. С одной стороны, они выступают активными строителями новых отношений на селе, с энтузиазмом участвуя в организации колхоза и в культурной революции. С другой стороны, они оказались жертвами раскулачивания и репрессий вследствие клеветнического доноса.

И то и другое не имело под собой сколько-нибудь серьезных оснований. Но несправедливые гонения не помешали нашим родителям до конца своих дней быть советскими людьми.

В конце 30-х гг. на судьбу нашей семьи повлияло обострение международных отношений. Поэтому папа по окончании Московского инженерно-строительного института из Москвы был направлен в Военспецстрой в Забайкальский военный округ, а затем призван в армию и должен был отслужить на Дальнем Востоке не один, а два года. Перед са-

мой войной в апреле 1941 г. уже в качестве гражданского инженера-строителя папу направили в Литву на строительство пограничных оборонительных сооружений. Мы выехали в г. Калвария, расположенный на польско-литовской границе, втроем: папа, беременная мама и я (за десять дней до нападения гитлеровских войск мне исполнилось 3 года).

Почти все военные годы – с 22 июня 1941 г. по 8 марта 1945 г. – родители и дети (младшая дочь Нина родилась 29 декабря 1941 г. в лагере для советских женщин) провели в неволе на чужбине, сначала – в Литве, затем – в Германии. И лишь чудом остались в живых.

Возвращение на родину не избавило нас от страданий. Отголоски войны мы почувствовали прежде всего на здоровье. Со временем все четверо стали инвалидами первой группы. Умышленное разрушение Советского Союза доконало родителей и Ниночку. Самый короткий век выпал на долю самой младшей и, как оказалось, самой незащищенной из нас Ниночке. Ей по праву посвящена отдельная часть книги.

Людмила Зубкова

Благодарности

Моя самая сердечная благодарность и нежная любовь – мамочке, папуле и Нинусе. Без воспоминаний и трудов моих незабвенных родителей и младшей сестры этой книги не было бы. Без них моя жизнь и я сама – ничто. Они делали всё возможное и невозможное, чтобы я состоялась как человек и ученый. До недавних пор, пока Ниночку не сразил тяжкий недуг, она опекала меня так, как будто не я, а она была старшей. Всё, что отвлекало меня от очередной научной работы, Ниночка самоотверженно брала на себя.

В памяти нашей семьи свято хранились имена врачей, помогавших нам: доктора Коровиной, лечившей маму в туберкулезном диспансере еще до замужества; Веры Викентьевны Шах, вернувшей папу к жизни после тяжелейшего кровоизлияния в мозг; таких первоклассных специалистов ДКЦ № 1, как гастроэнтеролог Владимир Витальевич Серов, невролог Игорь Ефимович Ходор.

Долгое время наши надежды оправдывала Наталья Алексеевна Дорофеева. Она выводила маму из гипертонических кризов, а папу лечила от аритмии. Когда же оказалось, что мама страдает онкологическим заболеванием, Наталья Алексеевна тут же забыла дорогу в наш дом. И мама всё поняла...

Среди онкологов мне вообще не встретились врачи, на де-

ле знакомые с клятвой Гиппократата. Не следуют ей ни на Каширке, ни на Бауманской, ни на Калужской. Равнодушны к больным хирурги Артем Леонидович Гончаров из Колопроктологического центра в больнице № 24; Сергей Николаевич Гончаров из Научного центра рентгенорадиологии на Профсоюзной, 86; радиолог Татьяна В. Дружкова из Онкологического диспансера № 1 на Бауманской; онколог Алексей Викторович Алексеев из поликлиники № 205...

Мне бы хотелось поблагодарить врачей-онкологов, лечивших Ниночку, но увы... Не забыть, как после второй операции Ниночку бросили на кровать в палате. Оперировавший хирург А. Л. Гончаров удалился на занятия со студентами и подошел к Нине в 4 часа вечера (через восемь часов после операции). Ниночка корчилась от боли и горько плакала. У нее поднялось давление. Она умоляла помочь ей. Мы с Ларисой Николаевной (двоюродной сестрой) постоянно ходили в ординаторскую и к дежурной старшей сестре. И хотя ординаторская была полна врачами, ни один из них, включая ассистента Гончарова, пальцем не шевельнул и не откликнулся на наши мольбы.

Медсестра же, когда я просила сделать хотя бы обезболивающий укол, просто захлопывала передо мной дверь.

В сравнении с нею такие медицинские сестры, как Елена Николаевна из поликлиники № 205 и Елена Егорова из Научного центра рентгенорадиологии, представляют собой редкое исключение. Чем дальше продвигается *оптимизация*

в здравоохранении, тем ниже вероятность того, что тебе помогут.

Вот почему я безмерно признательна всем, кто в тяжкие минуты помогал мамочке, папочке, Нинусе. Среди них в первую очередь коллеге по РУДН Ларисе Владимировне Панькиной и моим давним ученицам Татьяне Ващекиной, Елене Ганпанцуровой, Арюне Ивановой, Светлане Москвичевой, Елене Поповой, Марине Поповой, Сародж Шарма.

В подготовку рукописи к печати наряду с дорогими моему сердцу авторами большой вклад внесли Татьяна Владимировна Ващекина, Арюна Гомбоевна Иванова, Елена Николаевна Попова и ее дочь Екатерина, Марина Тимофеевна Попова, Геннадий Викторович Рыков.

Я искренне признательна руководству и сотрудникам Издательского Дома «Языки славянской культуры» Алексею Дмитриевичу Кошелеву, Михаилу Ивановичу Козлову, Григорию Владимировичу Бондаренко, Сергею Александровичу Жигалкину. Без их благожелательных усилий рукопись не увидела бы света.

Я бесконечно благодарна искусствоведу Екатерине Владимировне Даниловой, разрешившей использовать в книге выполненное ее супругом Юрием Холдиным фото ферапонтовской фрески великого Дионисия «Благословляющая десница Спасителя».

Глубокой благодарности безусловно заслуживает ведущий редактор этой книги Ирина Анатольевна Полосухина.

Огромное спасибо Евгении Николаевне Зуевой за компьютерный набор части текста и всем сотрудникам, выполнившим техническое редактирование.

Из них в первую очередь благодарю Ирину Владимировну Богатыреву, ее незаурядный художественный дар помог полнее раскрыть смысл книги.

Не всегда соглашаясь с корректорами, я весьма признательна Раисе Васильевне Молокановой и Тамаре Ивановне Шеповаловой за внимательное прочтение рукописи и конструктивные замечания.

Большая роль отводится в книге иллюстративному материалу. В тексте он выполнен усилиями Ирины Владимировны. Вклейку подготовила Любовь Владимировна Езерова. Весь этот материал контролировался Ириной Анатольевной.

Я от души благодарю Татьяну Юрьевну Фролову за ее постоянную безотказную помощь.

Сердечное спасибо за повседневную заботу и поддержку Ларисе Николаевне Рыковой-Рыбкиной и Лидии Герасимовне Марковой, моей однокашнице.

Л. Г. Зубкова

«Я, Георгий Зубков, коренной житель Павшина...»

Из воспоминаний Г. Г. Зубкова

Л. Г. Зубкова, Н. Г. Зубкова

Наши бабушка и дедушка по отцовской линии – коренные жители Павшина. Бабушка, Александра Семеновна (1885–1957), родилась в бедной крестьянской семье. По воспоминаниям нашего отца, *«мамина мама, баба Поля, родом из Раздоров. Ее родители были крепостными у помещика, владевшего тогда Архангельским.*

Дедушка, Семен Клюев, чтобы содержать многодетную семью (а в ней было десять человек, из них шесть женщин), наряду с земледелием занимался извозом – работал в Москве легковым извозчиком». Дедушка Егор (по святцам, Георгий) Николаевич (1881–1940) родился в семье бедного крестьянина Николая Савина и Анны Алексеевны, урожденной Овчинниковой (Колпецковой). Николай рано умер, и Анна, овдовев, осталась с двумя сыновьями на руках – старшим Егором и младшим Андреем.

По описанию папы, «дом Николая и Анны был неприглядный – в три окошка, крытый соломой. Стоял он не в порядке, а на задворках Села. (Ныне задворки стали улицей, ко-

торуую назвали Октябрьской.)»

В то время, когда родители папы были детьми, «с. Павшино состояло всего из двух улиц.

Одна улица располагалась на левом берегу Москвы-реки. Дома стояли в два ряда, между рядами была проезжая часть. От дома до дома метров тридцать, за домами – усадьбы. Улица вдоль реки называлась Село. Вторая улица шла вдоль дороги Волоколамск – Москва и называлась Большая дорога.

Эти две улицы соединялись проезжей дорогой, вдоль которой стояло несколько домов с разрывами между усадьбами. Эта улица называлась Прогоном.

Улица Село подразделялась на три части. Центральная – это собственно Село. Конец улицы за церковью вниз по реке – Поповка, конец улицы вверх по течению – Шаровка.

Дом Николая Савина находился на задворках центральной части Села. Родители бабы Анны жили в Прогоне, семья Клюевых – на Поповке.

Наиболее заметный след в жизни Павшина из семей Клюевых и Савиных оставил старший сын Николая и Анны Егор Савин (Зубков), женившийся в 1902 г. на Александре Клюевой.

Егор Николаевич окончил Мариинско-Павшинское начальное училище. По его окончании 8 июня 1892 г. Егору Савину на основании постановления Московского Уездного Земского Собрания от 23 октября 1875 г. было дано в награду Свя-

тое Евангелие.

Уже с детства Егор пристрастился к чтению. Как вспоминает его сын Георгий, «папанька (так называли Егора Николаевича дети) очень много читал и потому грамотно писал. Особенно любил Толстого, Чехова, Никитина, Некрасова, Горького. Большое влияние на характер и поступки папаньки оказало толстовское учение. Будучи взрослым, он продолжал заниматься самообразованием. Выписывал наряду с газетами научно-популярные журналы и в семье прививал любовь к книге, к знаниям. Зимними вечерами папанька часто читал вслух книги для мамы и взрослых детей. Читал артистично – с выражением, в лицах. (Мама, единственная из детей в семье Ключевых, осталась неграмотной: ей не пришлось учиться в школе, так как с малых лет она должна была смотреть за младшими братьями и сестрами.)

Как к хорошо грамотному, умному и безотказному человеку, к папаньке постоянно шли соседи при необходимости написать какое-либо прошение или письмо. Много читая, папанька хорошо знал действующие законы и правопорядка, а потому по написанным им прошениям почти всегда получался положительный результат. В силу этого авторитет папаньки смолоду был высоким. Его уже в парнях даже заочно уважительно называли по имени и отчеству – Егор Николаевич, это на селе встречалось редко».

Такое уважение односельчан Егор Николаевич имел не

только благодаря своей высокой грамотности и отзывчивости, но потому, что он был настоящим тружеником и бесребреником. Он был из тех крестьян, кто, занимаясь сельским хозяйством, одновременно получил хорошую рабочую выучку. «С ранних лет Егор Николаевич пошел на производство. С 1903 г. по 1926 г. работал дежурным мотористом при английских медленных фильтрах на Рублевской насосной станции (РНС). В период Первой мировой войны РНС как особо важный объект была переведена на военное положение. Егору Николаевичу, пользовавшемуся авторитетом и среди сотрудников, предоставили бронь и дали квартиру для всей семьи, так что в течение нескольких лет семья жила в Рублеве».

Однако, когда в стране стала расти армия безработных, на РНС решили освободить рабочие места за счет увольнения всех, кто связан с сельским хозяйством. И несмотря на то, что Егор Николаевич был на хорошем счету, в 1926 г. его все же сократили. А так как земли в хозяйстве было мало и прокормить семью она не могла, Егору Николаевичу вместе с подросшими старшими сыновьями Александром и Егором пришлось подрабатывать на возке песка и гравия с Москвы-реки на станцию Павшино. В появившееся свободное время Егор Николаевич стал больше читать и писать и еще активнее включился в общественную жизнь села.

Общественная деятельность Егора Николаевича многообразна.

«Долгое время папанька являлся добровольным корреспондентом-статистиком областного статистического управления, работал внештатным селькором в общесоюзной “Крестьянской газете”, в областной газете “Московская деревня”, регулярно писал в районную газету “Красногорский рабочий”, постоянно публиковал критические заметки, рецензии, рассказы в стенной газете, выходившей в Павшинской избе-читальне. В знак его заслуг в 1928 г. Егор Николаевич получил приглашение на встречу рабселькоров с только что приехавшим из Италии А. М. Горьким.

Наделенный артистическими способностями, Егор Николаевич был активным членом драмкружка. В частности, играл Луку в пьесе А. М. Горького “На дне”, участвовал в постановке пьесы Л. Н. Толстого “Живой труп”. К тому же Егор Николаевич обладал красивым голосом, много знал народных песен и хорошо пел.

В 1930 г. Егор Николаевич выступил в числе учредителей колхоза, и наше хозяйство вступило в колхоз одним из первых.

Постоянно читая книги по сельскому хозяйству, Егор Николаевич пытался внедрять в Павшине передовые научные приемы земледелия, начиная с севооборота и кончая подбором сортов выращиваемых овощей. Одним из первых он приобрел сакковский плуг. Одним из первых развел на усадьбе фруктовый сад, стал сажать цветы (георгины, золотые шары) и цветущие кустарники (акацию, шиповник,

сирень). Раньше около домов ни у кого не было никаких деревьев и кустарников. Когда же по примеру Егора Николаевича многие стали сажать сирень и фруктовые деревья, улица наша, на которой в 1910 г. Егор Николаевич и Александра Семеновна построили собственный дом, стала озеленяться. В тридцатые годы, по предложению Егора Николаевича, ее из Слободки переименовали в Садовую улицу».

Жизнь Егора Николаевича завершилась в 1940 г., и конец ее, в папином изложении, кажется символическим.

«Папанька не был верующим, но Закон Божий знал. Не случайно за прилежание и хорошие успехи он по окончании начальной школы получил в награду Евангелие. (Это Евангелие с дарственной надписью хранится в нашей семье до сих пор. – Л. З., Н. З.)

Весной 1940 г. на Пасху за несколько часов до смерти папанька сказал маме:

– Давай, мать, я пропою тебе пасхальную церковную службу.

У него была хорошая память, и хотя он давно уже не ходил в церковь, но службу запомнил с детства.

Пропел, лег спать, а ночью у папаньки схватило сердце. Он разбудил маму и говорит:

– Мать, я умираю. Пошли скорее за Раей (Рая – старшая дочь Егора Николаевича и Александры Семеновны. – Л. З., Н. З.).

Умер папанька, как говорят, в одночасье. Спокойно и без-

болезненно».

Бабушка Александра Семеновна пережила Егора Николаевича на семнадцать лет. Великая труженица, родившая и воспитавшая шестерых детей (еще двое умерли во младенчестве), она была окружена уважением и любовью в семье и на селе.

Когда папа вспоминал о своей маме, а это бывало часто, он особо выделял ее **интеллигентность**.

В папином понимании, *«интеллигентность – это прежде всего особый строй души, а не образование (хотя образование, разумеется, никогда никому не вредило)*. Моя мама была неграмотная, но интеллигентная, – верная на слово, добрая, приветливая, очень благодарная, совестливая и отзывчивая.

Когда сгорел дом у Вуколовых, то мама, не задумываясь, отдала им на “погорелое место” лучшую свою (по надою молока) любимую корову Зорьку, потому что от старых коров – Буренки и Комолой – толку было мало. Жалко было Зорьку, но если помогать, так помогать, хотя в большой нашей семье, пожалуй, основным доходом являлись деньги, выручаемые от продажи молока. Поэтому молока употребляли в пищу мало. Старались лишнюю кружку молока продать. В такой ситуации, имея на руках много детей, отдать лучшую из трех коров – это, конечно, поступок очень совестливого и доброго человека».

Наш папа Георгий Георгиевич Зубков, скончавшийся 1

февраля 2008 г., был, как и его родители, несомненно незаурядной Личностью.

О себе он писал коротко:

«Родился в 1910 г. в с. Павино в русской рабоче-крестьянской семье.

Вся моя сознательная и активная жизнь прошла в советское время.

Руководствовался идеями: “Учиться, учиться и учиться” и “Чтобы двигаться к светлому будущему, надо брать из прошлого все лучшее”, “Стремись познать непознанное”.

Имею высшее образование. Три года прослужил в Красной Армии. Около четырех лет провел в немецкой неволе.

В жизни было много невзгод и тяжелых моментов с возможным смертельным исходом.

В семейной жизни был счастлив».

Папа прожил долгую жизнь. Он проявил себя как безусловно творческая личность и в своей трудовой деятельности, работая инженером в самых разных отраслях народного хозяйства, ремонтируя дачу малыми подручными средствами, мастера что-то по дому «из ничего», и, конечно, в своем литературном творчестве. После выхода на пенсию, уже в весьма преклонном возрасте, папа пишет воспоминания, рассказы, заповеди, пробует сочинять стихи.

Письменное наследие папы составляют несколько больших толстых тетрадей (форматом 29 см x 20 см), ежедневники и записные книжки. (В кармане рубашки папа постоянно

носил маленькую записную книжку.)

У папы были публикации в газетах. Главная его мечта – опубликовать Воспоминания о войне, Записки о Павшине и своей семье (бабушке, родителях, братьях и сестрах, жене), о своей довоенной жизни (детстве, учебе в школе и институте, общественной работе, службе в армии, женитьбе и т. д.). Вполне законченный вид имеет рукопись воспоминаний о пережитом в годы Великой Отечественной войны (240 с.). В настоящее время по инициативе и при поддержке фонда «Доброе дело» в Международном литературно-художественном альманахе «ВЕРЕНИЦЫ» опубликованы мамины воспоминания о ее жизни до начала войны. Остальные воспоминания нуждаются в композиционной доработке по составленному папой оглавлению. Папины Заповеди с его вступлением о себе, родителях и сегодняшнем времени мы сгруппировали тематически и отпечатали для родственников. Сохранились магнитофонные записи папиных Воспоминаний.

«Записки о Павшине» занимают в творчестве папы особое место, так как Павшино – это его малая родина.

Здесь он родился и прожил большую часть жизни.

Здесь он окончил четырехлетнюю начальную школу.

Здесь он приобрел друзей. Среди них Егор, Саша и Леша Савины, Костя и Коля Клоповы, Коля Кабанов, Володя Никитин, Вася Чапыгин, Коля Попов, Петя Гуляев и др.

Здесь вступил в комсомольскую организацию, в которой проявил бурную активность. Был членом бюро комсомо-

ла и редколлегии стенгазеты, членом лавочной комиссии и Общества содействия милиции, был членом всех обществ, ячейки которых возникли при избе-читальне: Осоавиахима, МОПРа, Общества воинствующих безбожников. В ячейке Осоавиахима завоевал звание «Ворошиловский стрелок». В шахматных турнирах добился четвертого разряда. (Папа любил шахматы всю жизнь, и дочке Нине никогда не удавалось победить его в шахматных баталиях.)

Организовал и был председателем «Общества друзей радио». В качестве непосредственного исполнителя участвовал в создании в Павшине радиотрансляционного узла и трансляционной сети на сорок точек. Может быть, кто-то из долгожителей еще помнит короткое выступление по Всесоюзному радио жителя села Павшино «активиста Зубкова Георгия». Он приветствовал односельчан и поздравил их с открытием радиотрансляционной сети.

Вместе с отцом, Егором Николаевичем, Георгий Георгиевич был одним из учредителей колхоза в Павшине.

Трудовая деятельность Георгия Георгиевича по окончании Рублевской школы-девятилетки с гидротехническим уклоном (пока стоял на учете на Московской бирже труда) проходила на предприятиях Красногорского района. В том числе работал бурильщиком на изысканиях, предвзявших строительство Павшинского завода железобетонных конструкций («Стандартбетон»).

«Я могу сказать, – с гордостью писал папа, – что был

участником зарождения Павшинского завода железобетонных конструкций».

В 1937 г. папа окончил Московский инженерно-строительный институт и стал одним из первых инженеров на селе.

После войны в 1946–1953 гг. работал на Павшинском механическом заводе (б. «Стандартбетон»), занимая различные должности, – начал прорабом, кончил главным механиком завода.

В 1948 г. по заданию Павшинского сельсовета произвел геодезическую съемку Павшина, выполнил проектирование и строительство павшинского водопровода.

Как видно, папа любил Павшино и на деле доказал любовь к своей малой родине, которую он пронес через всю жизнь.

В 60-е годы на смену папе в общественную жизнь Павшина включилась наша мама – Вера Петровна, урожденная Рыкова. Она родилась в деревне Рахманово, расположенной в Волоколамском районе близ Иосифо-Волоцкого монастыря. Мамин род восходит к началу XVI в. Его основателем считают дьякона Иосифо-Волоцкого монастыря. Этот дьякон славился своим зычным голосом, за что его самого и его потомков прозвали Рыковыми.

Мама проживала в Павшине с 1934 г. После войны работала на Павшинском заводе металлоизделий заместителем главного бухгалтера. Дважды избиралась депутатом Павшинского сельского совета – в 1959 и 1961 гг.

Мама каждому помогала чем могла, никому не отказывая.

И дверь нашего дома не закрывалась. Память об этом хранилась много лет. После смерти мамы, выражая папе соболезнование, односельчане говорили ему: «Вы и не знаете, каким замечательным человеком была Вера Петровна». Такая признательность дорогого стоит.

В «Записках о Павшине» папа излагает историю своего родного села. В 2012 г. ему исполнилось 550 лет. Согласно историческим данным, «название села образовано от новгородской формы имени Павша (Павел)». См.: Мочульский Е. Н. Павшино // Красногорье. 2012. № 16. С. 23.

Папа трактует название Павшино иначе.

«До меня дошло, – пишет он, – два предания о происхождении названия села». (Упоминание о неких «преданиях», по-видимому, представляет собой литературный прием. На самом деле папа излагает собственные этимологические версии.)

*«Павшино расположено в котловине. Если посмотреть из Павшина вокруг, увидишь кругом небольшие возвышенности. Когда подходишь к Павшину с любой стороны, из любой деревни, видно, что Павшино расположено в низине, во впадине. Можно предположить, что прообразом слова **Павшино** было слово **впадина** или что-то созвучное (позднее подписано: **впавшая**. – Л. З., Н. З.)».*

В другом месте папа снова ссылается на эту версию. «Название **Павшино** может быть от слова **впадина** – **впавшая**, поскольку село находится в низине».

*«Есть и вторая версия о происхождении Павшина. Павшино расположено на подступах к столице Руси Москве – в 15 верстах на запад от нее. На Русь часто нападали враги, и всегда они стремились к Москве. Возможно, что когда-то здесь были “схватки боевые”. Простор для боев был. Место от Гольева и Губайлова до Спаса ровное. В Павшине сходятся две дороги с запада, и дальше идет одна дорога на Москву. В боях за Москву много **пало** (выделено папой. – Л. 3., Н. 3.) защитников ее. Как память о **павших** (выделено папой. – Л. 3., Н. 3.) осталось на месте павших возникшее впоследствии поселение. Осталось слово **Павшино**».*

Позднее, возвращаясь к этой версии, папа приводит важный дополнительный аргумент в ее пользу.

«В память о погибших на месте боев воздвигались курганы.

*Предполагается, что на месте Павшина когда-то происходили бои. Впоследствии на этом месте обосновался какой-то поселок, и в ознаменование **павших** (выделено папой. – Л. 3., Н. 3.) назвали его **Павшино**. Подтверждением служит и то, что здесь был воздвигнут памятник – курган. Старые местные жители помнят: такой курган был когда-то примерно на месте бани завода “Стандартбетон”. Видно было, что курган этот – искусственное сооружение: он был правильной формы, диаметром в основании примерно метров 15 и высотой 6–7 метров. Курган был разрушен в первые годы строительства завода “Стандартбетон”, при-*

мерно в 1929-30 году».

Следом за изложением двух версий о происхождении названия Павшино идет замечательное рассуждение, в котором жизнь и история языка увязываются с жизнью и историей общества.

«К сожалению, история забывается, и многое когда-то важное, величественное незаметно теряет свое значение, забывается и исчезает. Многие старые, древние слова-первоисточники преобразуются и от всяческих наслоений теряют свой первоначальный вид и смысл.

*В настоящий исторический период слово **павшие** уже мало употребляется и, возможно, незаметно исчезнет. И слово **Павшино** тоже исчезает... Не вдаваясь в далекое прошлое, проследим историю Павшина за последние 50–60 лет. Мы увидим резкие изменения как с деревней, так и с людьми, проживающими здесь. <...>*

Проследив эволюцию изменения названий улиц, многое можно узнать об истории общества».

Особенно интересен в папином изложении начальный период истории Павшина.

*«Когда-то на левом берегу реки Москвы в междуречье Курицы и Баньки обосновались первые **поселенцы**. Селение, где (стали жить. – Зачеркнуто папой. – Л. 3., Н. 3.) **осели** первые жители, стало называться **село**». Очевидно, что для папы, выделившего в тексте слова **поселенцы**, **селение**, **осесть**, **село**, – это все «сродственные», как говорил*

В. И. Даль, однокоренные слова. Слово **село** в данном случае обозначает просто 'населенное место'¹, что расходится с обычным толкованием этого слова. Собственно селом (в более позднем и современном понимании) Павшино стало не сразу. И у папы есть разъяснения по этому поводу:

*«Когда Павшино стало селом. – Деревня тогда становится **селом**, когда в ней имеется церковь. Церковь обычно обслуживала не только жителей деревни, где она расположена, но и жителей деревень, где нет церкви».*

Для папы **деревня** – это, видимо, и вообще 'крестьянское селение' и, в частности, такое 'селение без церкви'. **Село** – 'крестьянское селение / деревня с церковью'.

*«Церковь была притягательной силой для крестьян. Жители, обслуживаемые церковью, называются **прихожане**, а группа деревень, входящих в сферу действия одной церкви, называется **приход**».*

К приходу Павшинской церкви причислены деревни Гольево и Пенягино.

По моим догадкам, название **Гольево** произошло от слова **гольё** 'внутренности'. Когда-то павшинские богатые крестьяне устроили там, где ныне стоит Гольево, бойню, а затем и переселились туда. И бедные крестьяне стали ходить к этим мясникам за **гольем**. Постепенно место, где можно было приобрести **голье**, превратилось в **Гольево**. В период моего детства в Гольеве жило несколько мясников. Они скупали в окрестности скот, забивали его и мясо возили про-

давать в Москву. Голье в большинстве своем реализовалось на месте».

Возвращаемся в Павшино. В папином представлении топонимика и антропонимика взаимосвязаны. Предлагаемое им толкование фамилий обосновывается средой обитания, «условиями для жизни» и прежде всего качеством земли. В соответствии с этим фамилии указывают на то, чем и как питаются члены семьи, какой образ жизни они ведут. В «селе», где обосновались первые поселенцы,

*«...дома были расположены вдоль реки. Земля в этом месте была хорошая, черноземистая. Сейчас это участок примерно от дома **Пышкиных** до **Баранцевых** и **Киселевых** (у церкви). По фамилиям можно заключить, что условия для жизни здесь были сравнительно неплохие: было и мясо (**баран, баранина**), были и **пышки с киселем**. А посредине села жили **Гуляевы**. Видно, что от хорошей жизни и **гуляли**. **Прогуляться** было где.*

*Деревня стала расти и вверх, и вниз по течению реки. Вниз по течению за построенной церковью, где первое время обосновался священник, разг. **поп**, улица стала называться **Поповкой**. Здесь земля похуже, и народ жил победнее. Здесь жили **Комовы**, у которых все шло **комом**, **Неслюзовы**, где были близко **слезы**, но терпели, не плакали, **Клюевы**, которые не ели, а **клевали** понемногу.*

*На другом конце села было пусто – **хоть шаром покати**. Тек какой-то ручеек. Росла осока. Эта часть села стала на-*

зываться **Шаровкой**. Здесь появилась фамилия **Осокины**».

Так устанавливается корреляция между названием улицы и фамилиями ее обитателей.

Приведем выборочно еще несколько толкований из папиных записок, показывающих, в частности, как имя нарицательное без изменения формы становится именем собственным.

*«Недалеко от села проходила дорога из Волоколамска на Москву. Эту дорогу павшинцы называли **большой дорогой**. И улицу с домами, расположенными вдоль этой дороги, наименовали **Большая дорога**. Говорили: “Он живет на Большой дороге”, “Сходи в лавочку на Большую дорогу”». <...> «Самое бойкое место для торговли – это Большая дорога...Из села на Большую дорогу стали **гонять** на продажу скот. Вдоль этого **прогона** стали появляться домики. Улица, образовавшаяся вдоль **прогона**, стала называться **Прогоном**. Место, где гоняли скот, было низкое. Скот очень сильно месил дорогу, и в некоторых местах стали делать **гать** (в Толковом словаре гать – это настил из бревен или хвороста, а, по В. И. Далю, также из соломы, земли для проезда, прохода через болото или топкое место. – Л. 3., Н. 3.). Появилась фамилия **Гатчины**».*

С трудовой деятельностью жителей села в папиной интерпретации связана также одна из старейших фамилий Павшино – Крюковы. *«По всей вероятности, первоначально это были ремесленники, изготавливающие **крючья**, которые были*

крайне необходимы в период водополья для ловли леса на реке. На этом деле, как видно, Крюковы имели хороший доход. Стали постепенно богатеть».

Со временем признак, легший в основу данной фамилии, перестал быть актуальным, так как изменился род трудовой деятельности семьи. *«С течением времени потребность в крючьях уменьшилась. Люди стали жить не только за счет реки. Стали больше заниматься землей. Потребовались другие предметы потребления. Стала развиваться торговля. Первые лавочки обосновали Крюковы».*

Трудовой деятельностью людей объясняется иногда и переименование улиц:

*«Когда крестьяне села были привлечены для добычи и доставки песка с Москвы-реки на ж. д. станцию, песок возили на лошадях от песчаного карьера на Москве-реке до станции по Прогону. Ввиду того, что по Прогону дорога была очень плохая, то рытвины и колдобины стали засыпать **песком**. Каждый, возящий песок на станцию, должен был одну “колымажку” из пяти высыпать на дорогу. После этого **Прогон** стал называться **Песочной** улицей».*

Кстати, слово **колымажка** папа употребляет точно по В. И. Далю в значении ‘одноколка особ, с опрокидным кузовком, для возки земли, песку и пр.’

Помимо поселений разного рода в «Записках» получают толкования названия иных географических объектов: *«ре-чушка Чернушка свое название получила от черного цвета*

воды. Начало свое Чернушка брала из болота. Болото называлось “Клюквенное”. Наверное, когда-то росла там клюква. В настоящее время признаков клюквы нет», а это значит, что для жителей села лексическая мотивация названия болота (как и фамилии Крюковых) перестала быть актуальной, так как она не может объяснить, почему данная местность (или данная семья) **сейчас** так называется.

«С увеличением населения стала расширяться и деревня. Рождаемость в то время была высокая – до 8-10 детей в семье. Смертность также была очень высокой, особенно в детском возрасте. Но в силу естественной приспособляемости, несмотря на тяжелые жизненные условия, прирост населения оставался большим. Чтобы деревня не была слишком разбросанной, ее начали застраивать поучнее. Стал застраиваться участок между Селом и дорогой на Ильинское. Слобода, берущая начало от середины Прогоня, стала застраиваться в сторону Гольева. Вновь образующуюся улицу называли просто Слободкой. Застройка на Большой дороге первоначально сосредоточивалась на перекрестке Волоколамского и Ильинского шоссе. По Ильинскому шоссе она доходила до Чернушки. Появились дома Громовых и Волковых, а в 1935 г. крайним стал дом моего старшего брата Александра Зубкова. Расстояние между Слободкой и Ильинским шоссе (Большой дорогой) было большое, а между концами усадеб на этих улицах была пащина. Постепенно и эту пащину тоже стали застраивать. Так появилась Новая

Слободка с односторонней застройкой.

Затем, после организации колхоза, у некоторых нечленов колхоза стали усадьбы обрезать, и на отрезанных концах усадеб появились другие хозяева. Так образовались вторая сторона Новой Слободки и Пролетарская улица между Селом и Слободкой.

С установлением советской власти выявилась необходимость в стройматериалах. В Павшине стала действовать организация Павинеруд, занимающаяся добычей нерудных ископаемых. Была организована добыча и отправка в Москву речного песка, идущего на приготовление бетона. По улице Новая Слободка под верхним почвенным слоем на отдельных усадьбах был песчаный грунт с большим содержанием гравия, и хозяева этих усадеб стали просевать грунт, а гравий отвозить в Павинеруд.

После засыпки дороги к станции по Прогону песком Прогон переименовали в Песочную улицу.

С укреплением советской власти стала повышаться культура. Был выдвинут лозунг “Ни одного дома без газеты!” Почтовые отделения следовало доставлять адресатам. Соответственно выявилась надобность установить номера домов и привести в порядок наименования улиц. В тридцатые годы это сделали. Село, Поповку и Шаровку наименовали Центральной улицей с началом нумерации от конца Поповки. Слободку, по предложению нашего папаны, как самую зеленую – с палисадником перед каждым до-

мом – назвали Садовой улицей, хотя в полном смысле садов в то время ни у кого не было. Большую дорогу переименовали: улицу вдоль Волоколамского шоссе назвали 1-й Советской, а вдоль Ильинского шоссе – 2-й Советской. Песочная и Новая Слободка остались со старыми названиями.

После войны рост городов усилился. Москва расширялась очень динамично, и для определения ее четких границ построили кольцевую дорогу длиной около 100 км по окружности. За кольцом стала организовываться зеленая зона. Красногорский район вошел в зеленую зону города Москвы. Красногорск быстро рос. Интенсивно развивалось жилищное строительство при таких промышленных предприятиях, как Красногорский оптико-механический завод, Павшинский механический завод и завод сухой гипсовой штукатурки. Жилые поселки этих предприятий, расширяясь, постепенно сомкнулись друг с другом и слились воедино с окружающими селами – Павшино, Губайлово, Чернево. Образовавшийся жилой массив стал одной административной единицей – городом Красногорском. Таким образом, Павшино было поглощено Красногорском.

Наименование улиц на территории бывшего Павшина подверглось изменению. Садовая была переименована в Зеленую, Песочная – в Причальную, Пролетарская – в Октябрьскую, Советские улицы – в Павшинскую и Почтовую. Как самостоятельная административная единица село Павшино исчезло, а ведь когда-то была Павшинская волость с

центром в селе Павшино. Пока само название “Павшино” сохраняется только за одной из железнодорожных станций Рижского направления. Грустно...»

Часть I

Моя родословная

Г. Г. Зубков.

Вехи и картинки жизни

Мысль начать короткое описание пройденного жизненного пути давно меня гложет.

Предполагаю прописать вначале только вехи, а в дальнейшем, по мере восстановления памяти, буду вокруг этих вех рисовать те картинки, которые всплывут в памяти. Возможно, что от этих первоначальных строк ничего не останется, но все же надеюсь, это будет скелет, который постепенно обрстет мясом. Это как бы вторая жизнь выздоравливающего после длительного истощения человека. Человек, перенесший тяжелую болезнь, о котором говорят – «в чем душа держится», «живые мощи», начинает выздоравливать, поправляться и в конце концов обрстает жирком.

Так и с памятью. Сперва вспоминаются годы, основные события, а затем приходят на память и детали – картинки жизни. Память человеческая – это, как где-то писал Л. Н. Толстой, склад со множеством стеллажей и полок. Мы приходим как бы на этот склад, берем с полки одного из стеллажей карточку и читаем ее. Обойти весь склад, просмотреть все полки на стеллажах – на это надо очень много времени, тем более что на многих карточках записи потускнели, и их видно только при хорошем освещении и при отличном зрении.

Для меня наилучшим временем, хорошо освещающим

«склад памяти», является утро, когда я только просыпаюсь. В эти часы иногда вспоминаются лица и фамилии людей, которых, кажется, уже давно забыл. Следовало бы всегда утром все записывать. Но правильно говорят в народе, что «лень прежде нас родилась». Я бы это несколько переиначил и сказал бы: «Лень раньше меня проснулась».

Для того, чтобы что-то писать, нужно сосредоточение. Чтобы ничто не мешало, не отвлекало, для этого, мне кажется, самое лучшее время – раннее утро, когда все домашние спят. Недаром А. С. Пушкин лучшим временем для творчества считал утро, а один политический деятель (Н. С. Хрущев) говорил: «Все добрые дела начинают творить утром».

Буду писать обо всем, что вспомню.

Может быть, из того, что я запишу, запомнится что-либо и интересное. Лишь бы не лень было прочитать. Я, например, очень сожалею, что не сохранились те письма, заметки, стихотворения, раёшники и небольшие рассказы, которые в свое время были написаны папашкой.

Сожалею, конечно, что я не начал писать раньше. Всё же хорошо описывать те или иные события по свежей памяти. Но в то же время, как говорят, чтобы сделать правильную оценку какому-то явлению, надо на него посмотреть с расстояния или, вернее, с другой точки зрения, а еще лучше с нескольких точек зрения, и тогда рождается более объективная оценка явления.

Баба Анна

Родословную, пожалуй, начну с бабушки – бабы Анны – матери отца. Я ее помню, когда мне было, наверное, года четыре.

Наиранняя моя память сохранила воспоминание, как баба Аня везет меня на санках из Павшина в Рублево где-то на той стороне Москвы-реки в промежутке между рекой и лесом-осинничком.

Осинничком назывался лес, который находился на полпути от реки до деревни Луки. Не знаю, почему он назывался «осинничек», а росли в нем преимущественно сосны.

Вторым, одним из ранних воспоминаний о бабе у меня запечатлелся такой момент. Поздней осенью или ранней весной был какой-то церковный праздник. Я жил один с бабой в заднем доме. Вся остальная наша семья жила в это время в Рублеве (это, наверное, был 1914, 1915 или 1916 г.). Я сижу и рисую цветными карандашами. Я очень любил рисовать лошадей. В этот раз меня баба заставила рисовать голову Иисуса Христа с терновым венком на голове, с каплями крови, выступающими из-под венка. Эту голову я срисовывал с какой-то репродукции. Когда я уже заканчивал рисунок, к нам зашел поп. По престольным праздникам в то время поп с 2–3 сопровождавшими его монашенками обходил всех прихожан. Читал какие-то молитвы, кропил святой водой. Спра-

вив службу, поп спросил бабу, показывая на меня:

– А это что – внук, что ли, чей он будет-то?

– Ягоров.

– Хорошо рисует, а Отче наш-то знает?

– Знает. Ну Ягорушка, прочитай батюшке Отче наш.

– Что ж, значит, Георгий Георгиевич?

– Да, Ягор Ягорович.

Я прочитал Отче наш. Поп погладил меня по голове и сказал:

– Молодец!

Рисунок головы Иисуса Христа баба повесила на стенку и часто говорила, что этот рисунок подарил ей внук Егорушка.

В более позднее время я помню бабу, когда наша семья и семья моего крестного, дяди Андрея, переехали в Павшино.

В то время я помню, как баба Анна водила нас с собою в лес за грибами (это, наверное, 1920–1921 гг.).

Баба Анна выводила нас, как курица цыплят. Она одна и мы с ней: Егоровы трое – я, Санька, старший мой брат, и Поля, моя младшая сестра; и Андреевы – Михаил, Иван и Клавдия.

Баба показывала нам грибные места. Заход в лес мы начинали с болота за поповыми полосами. В начале болота был курган высотой метров 7–8. Курган этот находился примерно там, где сейчас находится баня Павшинского механического завода.

Сразу за курганом был мелкий лесок – березки и осинки.

Здесь большей частью мы находили подберезовики.

Затем мы, пройдя этот лесок, переходили железную дорогу у будки Ковалевских и шли в Ивановский лес, переходили через ручеек Курицу и тут по берегу этого ручейка находили белые грибы.

Грибы наша бабушка сушила и солила. В то время грибы не мариновали.

Баба у нас, как говорят, была строгая, но мне почему-то запомнилась доброй. Правда, сейчас даже и не припомню, в чем ее доброта выражалась. Мне кажется, она всех нас – внучат – очень любила. Роста она была небольшого, не худая, но и совсем не упитанная. Мы, внучата, все ее слушались беспрекословно.

Помню случай, когда Поля в чем-то провинилась. Ей было тогда, наверное, 5–6 лет. Баба в наказание посадила ее в подпол. В эти годы сидеть в темном подполе, конечно, было страшно. Но баба Анна приучала нас к послушанию и уважению старших. Приучала к мысли, что наказания старших справедливы. И когда Полю выпустила из заточения, она плакала и сквозь слезы говорила:

– Баба! Спасибо. Спасибо, баба! Я больше не буду.

Баба, любя всех внучат, не делала различия между детьми Егора и Андрея. Но всё же любимой у нее была старшая внучка – Рая.

Из снох больше любила нашу маму, хотя из сыновей почему-то больше жалела Андрея. Когда же с увеличением се-

мы стало больше внучат, а в семье начались распри и дело встало о разделе, то баба Анна пошла жить с нами. Тетю Машу – жену дяди Андрея – баба не любила.

До раздела мы жили все одной семьей, и даже Миша и Поля качались в одной люльке. В молодости баба Анна с детьми Егором (Георгием) и Андреем жила в маленьком домике где-то на задворках Центральной улицы. Ныне эта уже не маленькая, а настоящая улица – Октябрьская.

Затем, когда сыновья подросли, она получила усадьбу на Слободке. Так называлась улица, где ныне стоит наш дом.

Я еще помню, когда Корзинкин дом был крайний. В Корзинкином доме сейчас живет их зять Козлов. Улица наша старая, увеличилась за 50 лет немного. Правда, старых домов осталось довольно мало. Большинство новых домов постарело.

Папанька

Отца мы, дети, никогда не называли *отцом*. И даже как-то считалось, что говорить своему родителю *отец* или *мать* неуважительно, оскорбительно. Говорили *мама*, а отца у нас было принято называть *тятей*. Так, наверное, раньше везде в деревнях отцов звали тятями. Это даже в большой литературе отражено:

«Тятя, тятя! Наши сети притащили мертвеца!».

Затем, с года 23-24-го, привилось слово *папанька*.

Папанька на селе пользовался авторитетом – был грамотным и считался умным. И его даже заочно называли уважительно по имени отчеству – Егор Николаевич, что в деревне случалось редко. Даже мама иногда, находясь в обществе, в гостях обращаясь к нему, тоже подчеркивала это уважение и называла его Егором Николаевичем.

На основані постановленія Московскаго
Уѣднаго Земскаго Собранія 23-го Октября
1875 года дано сіе Святое Евангеліе въ на-

граду ученику *Маріинскому* —
Тивинскаго начальнаго
училища *Всору Сявину*
1892 года имъ *Юмъ*
кончившему курсъ начальнаго школы.

Предсѣдатель Экзаменаціонной

Коммисіи *А. Добрянскій*

Васильевъ. В. П. Успенскій

Члены:

Смирновъ

В. Орлова

дня *Ноября*

1892 года.

Награжден за успехи в учебе Егор Савин

Обложка Евангелия полученного Егором Савиным в награду за успехи в учебе

В святцах Егора нет – есть Георгий. Георгий Победоносец. Но имя Георгий, как многие слова в русском языке, трансформировалось: Георгий – Егорий – Егор – Егорка. И у народа слово Егор привилось накрепко: «Егорьев день», «женили Егорку на Красную горку» (Красная горка – это первая неделя после праздника Пасхи).

Анна Алексеевна рано овдовела. Жила с двумя ребятами бедно. Ребят – Егора, Андрея – воспитывала строго. Но, несмотря на бедность, ребятишек в школу пускала. Егор учился в церковно-приходской школе три года. Учился хорошо. Хорошо понимал арифметику. Хорошее было правописание. Знал Закон Божий. За успешное окончание курса начального училища в 1892 г. Егору Савину в награду было выдано Евангелие (Новый Завет), что скреплено подписями экзаменационной комиссии. Любил читать. Читать пристрастился ночью при лампадке. Мать для этого гарного масла не жалела. Днем читать некогда, да к тому же это считалось за баловство – читать книги.

С течением времени чтение настолько увлекло, что он брал книги, где только мог. Иногда попадались и запрещенные книги, и постепенно папанька проникся передовыми, прогрессивными идеями. Очень любил читать Толстого, Чехова, Никитина, Некрасова, Горького. Получал подписные

издания Толстого и Чехова. В книгах Толстого целые страницы были замазаны тогда типографской краской – по цензурным соображениям.

Писал папанька очень красиво. Раньше в школе на уроках правописания непременно стремились научить писать красиво. От большого чтения выработался навык правильно писать слова, и писал папанька грамотно.

Как к хорошо грамотному и безотказному человеку к папаньке шли соседи при необходимости написать какое-либо прошение или письмо. Писал Егор Николаевич очень складно.

В начале он соседку подробно расспрашивал – кому, куда и о чем она хочет написать, а потом уже ее сумбурный рассказ, сопровождаемый подчас слезами и излишними отвлечениями, не имеющими отношения к существу дела, он излагал в прошении на бумаге кратко и ясно, а где нужно – со слезой, с выражением.

Так как читал папанька много, он хорошо знал действующие законы правопорядка и поэтому почти всегда по написанным им прошениям принималось положительное решение.

В силу этого авторитет Егора Николаевича рос и в народе говорили: «Иди, Марья, к Савину Егору, он знает, как написать».

Вспоминаю, как часто приходила тётя Настя Лабутина. Отказать ей папанька не решался, хотя она была настолько

назойлива и нахальна, что выходило будто папанька *обязан* ей писать.

В своих жалобах она часто была не права. У нее не было оснований, чтобы ее жалобы решались в ее пользу. И она стала обвинять папаньку в том, что он не достаточно убедительно излагал смысл ее жалоб, и начинала чуть ли не ругать его. Папанька каждый раз говорил, что откажется ей писать, но когда она приходила еще раз и начинала причитать, он сдавался и опять писал. Характер у папаньки был мягкий.

Большое влияние на характер и поступки папаньки оказало толстовское учение. Он говорил, что человек должен пройти всё, все испытания, и не обижался на превратности судьбы.

Есть народное выражение «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». Это выражение папанька часто повторял и говорил, что человек не должен бояться испытывать всяческие трудности. И в дальнейшем сложилась судьба его так, что ему пришлось испытать большие тяготы, но он не падал духом, так как его сознание было подготовлено к любым испытаниям.

Если папаньке за добро платили злом, то он особенно не обижался и говорил маме: «Да ладно, мать, не обращай внимания. Люди это делают от недопонимания, а не со зла».

Чтение книг, написание всевозможных жалоб, прошений развивало его познание жизни. Он был общественником. Общие интересы общества, соседей, коллектива, где он ра-

ботал, его очень волновали. Он не мирился с недостатками людей, с несправедливостью.

Не жадный на материальные ценности, он был жаден до работы и не переваривал лени. Работал очень много, и физически, и умственно. А усталости как будто не чувствовал.

Даже устав от физического труда, вечером, а то и ночью много читал и писал.

Очень долгое время папанька был добровольным статистическим корреспондентом. Регулярно вел наблюдения за природой, урожаем, отмечал необычные явления природы, заполнял всяческие опросные листы, анкеты и периодически отсылал их в областное статистическое управление, которое размещалось в здании на Садово-Триумфальной, дом 10. Часто бывал там на всевозможных совещаниях.

Мне тоже довелось побывать в этом здании. Когда зимой изредка мы ездили в Москву продавать картошку, папанька брал с собой меня или Саньку. Почти при каждой такой поездке папанька заезжал на Садово-Тримфальную, 10 и водил нас в столовую, которая размещалась в подвале. И всегда на третье папанька брал дольки арбуза, искрившиеся сладкими белесоватыми каплями.

Папанька живо интересовался жизнью всей страны и международной политикой. Был постоянным подписчиком газет «Беднота», «Крестьянская газета», «Московская деревня» и журнала «Сам себе агроном».

Иногда сам писал заметки в газеты и даже кое-когда полу-

чал гонорар. Стал нештатным селькором газеты «Крестьянская газета». А затем начал регулярно писать в районную газету «Красногорский рабочий».

В Павшине при избе-читальне регулярно выходила стенная газета.

В 1928 или 1929 г. на областном смотре стенгазет по содержанию и оформлению нашей газете было присвоено второе место. В этой стенгазете папанька помещал заметки критического содержания и раёшники. Я в стенгазете помещал шарады и ребусы. Художественное оформление делал Лукьянов Миша. Он прекрасно рисовал и однажды на хорошей бумаге тушью скопировал червонец, да так, что червонец был очень похож на подлинник. Червонец этот каким-то образом оказался у Клюева Сашки (Александра Михайловича). И тот решил им воспользоваться. Пошел в магазин и что-то купил. При сдаче магазином денег фальшивка обнаружилась, кассирша вспомнила, кто ей дал червонец. И Мишу арестовали, отобрав все краски и тушь. Когда же узнали, что нарисован червонец не с целью обмана, художника отпустили. Однажды ночью в 1929 или 1930 г. за критику в газетах папаньке устроили темную. Среди нападавших папанька узнал Андрея Корзинкина. За избивание селькора в то время могли очень строго осудить. Я смутно помню, что Андрей Васильевич приходил к нам домой и просил прощения у папаньки. Папанька в силу своего толстовского мировоззрения Андрея, конечно, простил и уголовного дела возбуждать не

стал.

С 1903 по 1926 г. папанька работал на рублевской насосной станции дежурным мотористом при английских медленных фильтрах.

Работая в Рублеве, он одновременно занимался в Павшине сельским хозяйством. Вставал очень рано. Каждый будний день по утрам и вечерам, в субботу после обеда (в то время на производстве по субботам работали до обеда) и в воскресенье с утра до вечера папанька выполнял намеченные сельскохозяйственные работы.

В период Первой мировой войны Рублевская насосная станция как особо важный объект была переведена на военное положение.

Папаньке предоставили бронь и дали квартиру для всей семьи в Рублеве. В Павшине осталась жить только баба. А дети – ее внуки – обычно лишь гостили у нее. Я помню, что какой-то непродолжительный срок мы жили с бабой зимой вдвоем.

Когда папанька работал в Рублеве, он был членом партии. Активно участвовал в общественной работе и, как видно, пользовался авторитетом у администрации станции.

Помню, две групповые фотографии, одна – человек около 50-ти, другая – человек 25. Администрация сидит на стульях, а рабочие и служащие сидят перед стульями на полу и стоят в три или четыре ряда позади стульев. На обеих фотографиях папанька в возрасте примерно 30–35 лет стоит

во втором ряду после стульев. Задний ряд, наверное, на каких-то подставках.

В это время папанышка участвовал в драмкружке. Разыгрывали они пьесы Горького, Толстого, Достоевского. Папанышка играл Луку в пьесе Горького «На дне», участвовал в постановке пьесы «Живой труп». Но кого он там играл, не знаю. В Павшинском драмкружке совместно с папанышкой играли тетя Паша Вуколова, Павел Кулагин, учителя и другие.

Папанышка переписывался с революционером Гуляевым Кириллом Васильевичем. В моей памяти остались только его фамилия и имя, и то, что он был сослан в Каширу. Письма от него приходили открытками, причем на открытке обычного размера письмо писалось очень большое, так как писалось оно бисерным почерком и прочесть его можно было лишь через лупу. Содержание писем я не помню. Знаю только, что открытки приходили часто и после получения их папанышка обычно ночью долго писал ответные письма.

Папанышка в письмах излагал свои мысли очень складно и писать обычно не ленился.

Когда мы с Верой были в Сибири, то больше всего писем получали от папанышки. Одно из них отражает историю нашей с Верой любви.

Наши жизненные пути сначала случайно перекрестились во время поездок на поезде в Москву. Вера обратила внимание на складного молодого человека в кожаной куртке с планшеткой. Он ей понравился, она стала заглядываться на

него и однажды поинтересовалась у своей подруги Клавы, кто это такой и как его звать. – Да это Юрка, мой двоюродный брат. Хочешь, познакомлю.

Знакомиться Вера не решилась, но обращать внимание на Юру стала все больше и больше.

И вот однажды, когда Вере с сестрами Нюшей и Надей пришлось сменить жилье и переехать с Песочной улицы на Садовую, они поселились в маленьком вросшем в землю домике, где почти половину помещения занимала русская печь, а из окон можно было видеть только нижнюю часть проходящего мимо окна человека. Она вдруг заметила, что мимо окна промелькнули какие-то знакомые ее глазу предметы – планшетка на фоне кожаной куртки. В первый раз она никак не среагировала. Но увидев как-то утром второй раз промелькнувшую планшетку и кожаную куртку, стала разглядывать удалявшуюся фигуру молодого человека, а сестра Нюша спросила:

– Верушка, что ты там рассматриваешь?

– Нюш, поди сюда, посмотри-посмотри. Почему этот парень ходит все время утром мимо наших окон?

– Да это хозяйкин сын.

– А как его звать?

– Да не знаю еще. Вот пойду платить за квартиру Александре Семеновне, может быть, узнаю.

Через несколько дней Нюша узнала, что действительно этого парня звать Юра, что он учится в институте.

Нюша стала спрашивать, почему Верушку заинтересовал хозяйкин сын.

– Он мне нравится.

– Ну ладно, я тебя познакомлю с ним.

– И как же ты нас познакомишь, когда говоришь, что еще сама с ним ни разу не разговаривала и что видела его мельком...

– Ладно, жди воскресенья.

На воскресенье намечалось устроить новоселье, где Юра и Вера познакомились. Дальнейшие события папанька изложил в форме аллегорического рассказа, присланного нам в 1938 г. Вкратце суть его такова.

Юра и Вера пришли друг другу по душе. Полюбили. И начали совместно жить и работать над одной жизненной идеей.

Идея закладывалась и разрабатывалась в Павшине, а затем молодые супруги, как золотоискатели, поехали на восток – в Читту, в Иркутск, в край, где “по диким степям Забайкалья золото роют в горах”. И там в Сибири наши влюбленные в жизнь, несмотря на бытовые и материальные трудности, с любовью работали. Работали усердно и ночью, и днем. И вот не прошло и года, как после упорных и настойчивых трудов, подкрепляемых общей идеей и любовью, они нашли 11 июня в районе Иркутска золотой самородок.

Так папанька поздравил нас с рождением дочки.

Предсказание дедушки, как видно из последующего развития жизни, оправдалось.

Самородок закончила среднюю школу с *золотой* медалью, успешно закончила высшую школу – МГУ – и получила диплом с отличием, блестяще защитила кандидатскую диссертацию, затем со знанием дела приступила к докторской диссертации – получила диплом доктора филологических наук и звание профессора.

Папанька всегда был активным общественником, участвовал во всех мероприятиях советской власти.

Работая в Рублеве, был членом партии.

После окончания гражданской войны, когда вернулось к мирной жизни большое количество трудоспособных людей, а в стране вследствие разрухи в народном хозяйстве не хватало рабочих мест, стала бурно расти армия безработных. Необходимо было изыскивать рабочие места.

На Рублевской насосной станции решено было предоставить рабочие места демобилизованным за счет увольнения с работы всех, кто связан с сельским хозяйством. Такой выход из трудного положения, по всей вероятности, применялся по всей стране. И несмотря на то, что папанька на работе был на хорошем счету, его всё-таки сократили (1926 г.). Ему было горько и обидно покидать работу, которой он отдал все лучшие годы своей жизни. Семья к этому моменту стала боль-

шая, а основной заработок выпал из бюджета семьи. Мы купили 2-ю лошадь, стали зарабатывать на возке песка. На 2-й лошади работал Санька.

Папанька искал постоянную работу, но таковой не находилось. Земли было мало и прокормить она нас не могла. В это время семья выросла до 8 человек. В какой-то короткий период у нас было даже 3 коровы, все молоко от которых мы продавали. Сами пили его очень мало, так как нам были нужны деньги на покупку жизненно необходимых товаров и продуктов. Но для содержания 2-х лошадей и 3-х коров не хватало корма. Приходилось покупать сено и овес. Денежный оборот увеличился, и всё же денег не хватало на прокормление семьи. Еле-еле сводили концы с концами. В это время сторели Вуколовы, и одну корову мы отдали тётё Паше.

После сокращения у папаньки появилось больше свободного времени. Он стал больше читать и писать, активно включился в общественную деятельность в Павшине. В Павшине стали основываться всякого рода общественные организации: МОПР, Доброфлот, Союз воинствующих безбожников и другие.

Председателем ячейки «Союза воинствующих безбожников» был избран Кузьма Васильевич Пышкин – приятель папаньки.

В селе развернулась антирелигиозная работа. Стали проводиться лекции, спектакли.

В стенгазете папанька поместил **РАССКАЗ-БЫЛЬ**:

В церковный праздник, кажется в Рождество, по деревне ходит поп с причтом. Процессия обычно состоит из 5–6 человек. Поп, дьякон, две-три одетые в черное монашенки – они же певчие, мальчик-прислужник, тоже в священном одеянии. Заходят в каждый дом, поздравляют с праздником. Произносят молитву. Поп запеваает, монашенки ему подпевают. Дьякон кропит дома святой водой. Обязанности прислужника – раздувать кадило и обеспечивать святой водой. Поп после службы получает от хозяина или хозяйки деньги. Монашенки, которые обычно ходят с корзинками, кладут в корзину что-либо из праздничных закусок: пироги, мясо, колбасу, яйца и другое. В некоторых домах хозяева, имеющие более близкие отношения со священством, угощают и вином. В этом случае больше всех перепадает дьякону. Он крупного телосложения с громовым голосом. Не обойдя и половины деревни, они изрядно нагружаются. У монашек полны корзины. У попа под рясой полон карман денег. Дьякон в подпитии. В обходе требуется небольшой перерыв. Обычно у богачеев служба бывает более продолжительной. Опрыскивается святой водой не только дом, но и новая пристройка или покупка – коровы, лошади, пролетки.

Ну а затем хозяин просит попа и дьякона пожаловать к столу. Пока поп и дьякон сидят за столом угощаются, свиту на короткий период отпускают: монашенки идут опорожнять корзины, мальчик бежит за ладаном с

водой. Деревня гуляет. В каждом доме пьют, едят, поют, играют гармошки.

Подкрепившись, свита продолжает обход. Сидеть за столом некогда. Село большое, надо успеть обойти всех. Служба идет уже наспех. Поется скороговоркой.

Скорее бы получить деньги с подарками и дальше. Но ноги уже еле идут, языки у попа и дьякона заплетаются. Богатую часть села уже всю обошли, осталась беднота. Зашли к бедной вдове. Ладан опять весь сторел, святая вода на исходе.

Мальчик устал бегать за ладаном и святой водой. В горле у дьякона горит, хочется пить.

– Марья! Квас-то у тебя есть?

– Да нет, кончился.

– Ну дай воды.

Дьякон напился и решил заполнить святую чашу водой. Марья в это время совала гривенник попу.

– Марья! А где у тебя вода-то? Еще захотел.

– Да, отец дьякон, там на лавке в горшке.

Дьякон пить уже не стал. Впотьмах нащупал горшок и содержимое его вылил в святой сосуд.

Следующий дом был бедный. Хозяева, чтобы не принимать свиту, дом закрыли. Монашенки постучали-постучали, и пришлось идти дальше.

А у дьякона горит. Хочется уже не квасу, а неплохо бы опять пропустить чего-нибудь посущественнее. Надо зайти к кому-то, где угощают. Хозяева ждали. Стол накрыт заблаговременно. Предполагали отслужить молебен по случаю окончания строительства

дома. Сесть за стол думали после молебна. Встретив свиту, хозяин попросил освятить дом. Поп дал согласие. Дьякон что-то хрипел. У него в горле першило. Хозяин знал, что у дьякона громовой голос, и чтобы поэффектнее было его пение, он предложил:

– Отец дьякон! Может быть, немного надо горлышко смочить? Может, рюмочку выпьете?

– Да, конечно, смочить надо. Но разве рюмочкой смочишь, давай уж стаканчик. Нет-нет, закуски не надо. После молебна, когда сядем за стол, тогда уж как следует по-христиански выпьем, тогда с удовольствием и закушу.

Поп уже начал службу. Мальчик раздул кадило. Дьякон приступил к своему священнодействию. Начал размахивать кадилом. Появился дымок. И отец дьякон открыл свое горло-трубу, утробно провозглашая:

– Да освящается!..

Опустив кисть в сосуд, начал кропить стены. И вот на стенах и в красном углу на иконах стали появляться какие-то белые черви...

Это, оказывается, Марьяна праздничная лапша пошла на подкормку соседских икон...

После этого рассказа у многих жителей Павшина благоговение перед молебном поколебалось и больше оказалось закрытых дверей перед носом священнослужителей.

До опубликования рассказа в стенгазете об этом факте с белыми червями говорили втихомолку. Но после газетной заметки разговоры стали вестись в открытую. И думаю, они

дошли и до попа с дьяконом. Я сейчас не помню, сразу ли после этого случая или позднее, но потом с молебнами по домам священнослужители перестали ходить.

В 1928 г. папаньке, кажется, «Крестьянская газета» дала два пригласительных билета на встречу рабселькоров с только что приехавшим из Италии А. М. Горьким. На эту встречу папанька взял и меня. Встреча происходила в клубе им. Е. Ф. Кухмистерова.

В 1929 г. началась кампания по коллективизации сельского хозяйства. Первые собрания, посвященные организации колхоза, проходили в чайной у Капитоныча. Проводили их приезжие товарищи, они же сидели в президиуме. Непременными атрибутами председателя были звонок и наган, который вытаскивался из кармана будто случайно, хотя на самом деле им явно хотели запугать собравшихся, и все это понимали.

Первое время добивались того, чтобы вовлечь как можно больше людей в колхоз под лозунгом *организации колхозов при ликвидации кулачества как класса*. Но как-то так получилось, что с началом кампании кулаки сумели вовремя испариться. В Павшине кулаками в первую очередь были мельники. Они заблаговременно сдали (или продали?) мельницу и куда-то выехали, избежав таким образом раскулачивания. Как видно, им помог их приятель – председатель сельсовета Курделев. Тогда начали нажимать на середняка. Средняки – люди серьезные, рассудительные. Им надо было, прежде

чем вступать в колхоз, подумать, и под угрозой они не хотели идти в неизведанное. Не мытьём, так катаньем. В ход пустили иной способ воздействия: стали разорять налогами, увеличивая их до бесконечности.

Поэтому первоначально в колхоз записалось несколько бедняков, которые хозяйству ничего не могли дать кроме своих рабочих рук. Колхозу же нужна была база: тягловая сила, молочный скот, сельскохозяйственный инвентарь. А значит, нужен был середняк, который всё это имел.

Основная товарная сельскохозяйственная продукция в стране производилась средним крестьянством. Средняка в деревне большинство. И поэтому успехи перестройки сельского хозяйства зависели от того, как скоро в ней примет участие середняк. Вроде бы и откладывать перестройку нельзя, но и поспешность в этом деле вредна. Агитация с револьвером только отпугивала середняка. Она привела к тому, что начался массовый убой скота и даже домашней птицы. Конечно, никто не говорил в открытую, что режет скотину, потому что не хочет ее отдавать в колхоз. Только почему-то коровы стали давиться картошкой, или падать и ломать себе ноги, или с ними случалось вдруг нечто, ранее невиданное. И хозяину приходится, чтобы скотина не подохла, ее прирезать. В деревне творилось чёрт-те что.

Пока середняк выжидал, власти решили привлечь в колхоз семьи комсомольцев. Проводить у нас комсомольское собрание приехал недавно появившийся в волостном комитете

некий Демченко. В нашей ячейке комсомольцев, связанных с сельским хозяйством, только двое – я и Баранцев. Отцы у обоих середняки. А середняки с бухты-барахты в колхоз не бросались. Даже папанька, человек передовых взглядов, не спешил.

Однако в 1930 г., когда по-настоящему стал организовываться колхоз, наше хозяйство вступило в него одним из первых. В числе учредителей колхоза стоят имена папаньки и мое.

Первое время в колхозе папанька работал завхозом (кладовщиком). Но к этой работе папанька не был приспособлен из-за своей простоты и доверчивости, вследствие чего у него оказалась большая недостача мешков. Он людям доверял и не всегда проверял. За недостачу мешков нам пришлось выплатить; чтобы как-то выкрутиться, продали боковой дом, а он предназначался для Александра.

Материальное положение у нас было тяжелое. Зимой работы в колхозе было мало, да и заработков не было. Санька в это время учился на курсах шоферов. Я пытался куда-нибудь устроиться на работу и стоял на бирже труда. Работал временно по 2–3 месяца. Пришлось сдать под жильё разваливающийся задний дом за дрова и ремонт. Снимавший работал в санатории ипподрома. Дом был кое-как отремонтирован. Вернее, заново изготовлены оконные переплеты.

Затем жилец предложил папаньке работу счетовода в санатории ипподрома. Жилец оказался человеком недобросо-

вестным. На складе ипподрома оказалось много хищений. При обыске у жильца обнаружилось много гвоздей и краски. Часть материала нашли на дворе. Естественно, к ответственности был привлечен и папанька.

Папанька на складе ничего не брал. Но сознался, что с разрешения жильца брал с работы несколько раз по бутылке керосина.

В то время электричества не было, а папанька часто брал документацию по складу домой и всю бухгалтерию считал дома.

На суде записано, что папанька сознался: несколько раз брал по ½ литра керосина.

В то время действовал указ от 07.08.1932 г. о наказании за расхищение социалистической собственности.

И папаньку осудили по данному указу на 10 лет. Большую роль в этом деле сыграла справка из сельсовета. В то время председателем был Курделев, настроенный против папаньки.

Папанька, будучи селькором, часто писал о сельских делах, в том числе и о недостатках, и в какой-то мере задевал деятельность сельсовета и его председателя. Курделев же был в дружественных отношениях с мельниками, а их папанька тоже протаскивал в газете. Получилось так, что мельники раскулачивания избежали, якобы добровольно сдав свою мельницу советской власти. А в характеристике, присланной Курделевым в суд, папаньку он охарактери-

зовал как кулака. Все эти обстоятельства сыграли на руку ненавистникам папаньки. Несмотря на отсутствие преступления, папанька за взятые *с разрешения Vi* литра керосина осужден на 10 лет.

Нам было очень тяжело. Папанька этот удар судьбы перенес стойко, духом не падал и из заключения часто писал нам в письмах: «Не падайте духом. Мне здесь хорошо. Что это за человек, который ничего не испытает. Это мне испытание».

По натуре папанька был честным и не лодырем. В заключении он работал честно и добросовестно, несмотря на плохие условия и ухудшающееся состояние здоровья. Работал он на Дальнем Востоке (в Амурской области) на строительстве моста через реку Зея. Предположительно с 1934 г. по 1937 или 1938 г. Сохранилось фото папаньки из заключения от 06.12.1936 г.

Своей работой и своими прошениями папанька доказал, что он не преступник. Подробностей я не знаю, но из 10 лет он не просидел и трех и был освобожден.

Правда, по возвращении опять-таки из-за противодействия сельсовета папаньку долгое время в Павшине не прописывали.

Затем он стал работать в колхозе. И в это время очень часто писал заметки в районную газету «Красногорский рабочий». Однажды в ней напечатали большой очерк папаньки о Тимофее Ракове, колхозном завхозе.

Курделев после смерти папаньки в 1940 г. переключился

на меня.

В открытую он никогда ни мне, ни папаньке не говорил ничего плохого, но, используя свое служебное положение, писал куда только можно пакости.

Когда я в Армии в 1940 г. вступал в партию, он прислал в штаб письмо, где сообщил, что у меня отец из кулаков и осужден, а у моей жены отец – священнослужитель. Политотдел специально послал в Москву товарища для проверки письма. После проверки письма и установления истины Курделеву было указано на его клевету.

В партию меня приняли.

К нам, детям, папанька относился хорошо. Приучил всех к трудолюбию. Тем, что я выучился, я обязан папаньке.

В молодости и до заключения здоровье у папаньки было крепкое.

Даже когда в 21–22 гг. свирепствовала эпидемия тифа и в нашей семье все им переболели, а двое детей – Митя и Маня – умерли, только баба и папанька тифом не болели.

Папанька жил полнокровной жизнью. Был послушным сыном, хорошим семьянином. Любил маму (жену) и детей.

Но не лишен и слабостей.

Пьяницей не был, но при случае мог хорошо выпить. Когда работал, эти выпивки приурочивались к дням получки, а получки давали по субботам. И вот тогда-то папанька частенько приходил выпившим. После работы они с братом Андреем заходили к перевозчикам Махониным – там всегда

была водка. В большинстве случаев, выпив, они долго не задерживались, а спешили домой, так как дома всегда много тяжелой мужской работы. Ну, а если выпивал много и работать в этот день не мог, то уж в воскресенье он вставал очень рано и до заутрени успевал наработаться. Когда работал в Рублеве, он иногда, также по субботам, вовлекался в картежную игру на деньги.

Я не помню, чтобы он очень проигрывался, хотя, возможно, и это случалось. Но, помню, однажды после игры он имел в выигрыше несколько серебряных карманных часов. Правда, через некоторое время их уже не было: или он отдал их проигравшим, или, в свою очередь, тоже проиграл.

Папанька не курил. Но одно время очень часто нюхал специальный ароматный нюхательный табак. Говорил, что это хорошо для здоровья, якобы прочищает легкие и улучшает зрение. Нюханье вызывало сильное чиханье.

Был, кажется, грех у папаньки и по женской части. На этой почве часто были у мамы с папанькой раздоры. Папанька же всегда отговаривался тем, будто бы играл в карты. Несмотря на возникшие на почве ревности раздоры, мама с папанькой друг друга любили и в основном жили дружно.

Хотя в жизни все бывало: иногда ругались, иногда в пылу папанька и замахивался на маму, но не бил. Когда ж был очень сердит да еще и выпивши, то рвал на себе рубашку, если считал, что ругают его напрасно.

Несмотря на небольшое образование, папанька был весь-

ма эрудированным по многим вопросам. В молодости очень много занимался самообразованием. До революции выписывал журнал «Жизнь для всех», в котором имелся специальный раздел по повышению знаний в различных науках, включая математику. Благодаря своей начитанности папанышка почерпнул из книг много хорошего и потому стремился приохотить к чтению своих детей.

Зимними вечерами папанышка часто читал вслух для мамы и взрослых детей. Читал папанышка, как говорят, «с выражением», то есть в лицах. У него чувствовались артистические наклонности.

К тому же он обладал и хорошим голосом, много знал народных песен и хорошо пел.

В праздничных застольях был запевалой. В праздничном хоре приятно звучали голоса маминой сестры тётки Паши Вуколовой, Раи и мамы.

В застольный хор включались обычно все гости. Пели «По диким степям Забайкалья», «Выплывают расписные Стеньки Разина челны», «На паперти божьего храма». Песни исполнялись под гармошку. Гармонистом был Иван Иванович. После песен начинались пляски под «Ах, вы сени, мои сени», «Барыня». С выходом на круг тётка Паша взмахивала платочком, а вокруг нее пускался вприсядку с гармошкой Иван Иванович. Пляска сопровождалась прибаутками. По прибауткам также первой была тетя Паша. Если в компании была тетя Маша Осокина (еще одна сестра мамы), то она обычно

отличалась сальными прибаутками. (Родители этого не любили.)

Если в праздничной компании присутствовали папанька и тетя Паша, то всегда было весело.

Папанька все свои почерпнутые в книгах знания старался применять в жизни.

Наряду с художественной литературой, он много читал книг по сельскому хозяйству и выписывал журнал «Сам себе агроном».

Задолго до колхозов, в условиях индивидуального сельского хозяйства с системой чересполосицы и мелких наделов с трехпольным севооборотом, он пытался внедрять в Павшине передовые научные приемы ведения сельского хозяйства.

Это – поднятие зяби, соблюдение очередности севооборота. Посев клевера, а после клевера ржи. Раньше вообще клевер не сеяли. Прогрессивным был и высев вики с овсом. Без овса вика вся была полегшей и прела на корню. Покупал сортовые семена картофеля – лорх. Для корма скота высаживал кормовую свеклу, брюкву. Один из первых приобрел сакковский плуг и развел на усадьбе фруктовый сад. До революции в Павшине ни у кого не было фруктовых деревьев, лишь у некоторых росли красная рябина и черемуха на задворках.

Правда, в первые годы плодоношения яблонь мы зрелые плоды не пробовали. Их всегда обрывали соседские ребяташки.

В последние годы жизни папанька стал сажать цветы и цветущий кустарник. У нас появились георгины, золотые шары и другие цветы. В палисаднике было много акации, она тоже сильно цвела и пахла. Рос в саду и хорошо пахнущий шиповник. Затем папанька где-то приобрел хорошую сирень, и мы ее посадили взамен частично выкорчеванной акации. По примеру папаньки впоследствии многие стали сажать сирень, и отростки сирени папанька с удовольствием раздавал односельчанам.

Раньше около домов ни у кого не было никаких деревьев и кустарников, но потом, когда по примеру папаньки многие стали сажать сирень и фруктовые деревья, улица наша стала озеленяться. И в 30-х годах наша Слободка, по предложению папаньки, была переименована в Садовую улицу.

Мама

Мама родилась в бедной, но богатой детьми семье. Мами-на мама, а наша баба Поля, родом из Раздоров. Ее родители были крепостными у помещика, владевшего Архангельским. Дедушка – Клюев Семен для содержания многодетной семьи, кроме обработки земли, занимался извозом как легкой извозчик.

Мама была третьим ребенком, но когда подросла до школьного возраста, в семье прибавилось еще трое ребят младше ее, и за ними должен быть присмотр. И несмотря на желание мамы пойти в школу, ей пришлось нянчить младших сестер и брата (Машу, Мишу и Пашу), а затем и Матрёну с Петей. Хотя нянькой в семье звали тетю Полю, старшую сестру, потому что она в свое время нянчила и маму, и Сашу. В школе маме учиться так и не пришлось.

Мама была красивая, умная и, несмотря на неграмотность, очень хорошо знала счет. Много знала стихов и песен. В девушках многие ребята на нее заглядывались. За ней ухаживали очень уважаемые на селе – хотя и бедные, зато хорошо грамотные женихи – два товарища Савин Егор и Куликов Миша.

Мама отдала предпочтение Савину Егору. Замуж мама вышла рано – 17-ти лет (в 1902 г.), папанька старше на 4 года. Свекровь была строгая, но справедливая. Красивая и ра-

ботящая сноха ей понравилась, она полюбила её и её детей. Особенно старшую внучку Раю.

Мама была очень работоспособной и умела всё делать хорошо, а что раньше не умела, тому быстро научилась. Мама хорошо шила, вязала и все работы по крестьянству выполняла очень быстро и ловко.

Самая трудная работа в крестьянстве, мне кажется, это жать рожь.

На этой работе мама очень отличалась. Она жала споро и чисто. У нее из трех горстей получался довольно толстый сноп. Шила белье – и нижнее, и верхнее – на всю семью сама.

С приходом мамы в семью Анны Савиной хозяйство их стало быстро поправляться. Благодаря трудолюбию в семье и строгой экономии начали копить деньги на строительство дома.

Для того чтобы накопить больше денег, мама стала вязать перчатки на казну и шить нижнее солдатское белье. Как только появлялась свободная минута после работы по хозяйству, она немедленно садилась за машинку и шила кальсоны и нижние рубашки, а если промежуток свободного времени был мал, бралась вязать перчатки. Работала напряженно целый день и допоздна, а часто и ночью.

Тяжело доставалась обработка перчаток. Связанные перчатки затем стирались и натягивались на специальные деревянные рамы, так что получались как валяные. Маме пришлось много стирать. Стирали большей частью в щелоке.

Мыло было дорогое.

Впоследствии, особенно к старости, у мамы сильно боле-ли руки. Сказалась слишком тяжелая работа.

Готовые перчатки и белье сдавались в Москву. Если предоставлялся случай, маму с товаром подвозил в Москву ее отец, дедушка Семен, извозничавший в Москве. Но чаще мама относила товар на себе пешком. Говорили тогда «ходить с товаром». Железная дорога, наверное, еще не была построена, или дорого стоил проезд.

Покупая или продавая, мама очень быстро считала в уме и никогда не ошибалась. И память у мамы тоже была отличная.

Детей своих мама любила, но не баловала ласками. Для ласк не было времени. Зря никого не обижала и не наказывала. Не любила, чтобы на ее детей кто-либо жаловался из-за каких-либо проказ. В этих случаях мама очень-то не разбиралась в подробностях – действительно ли ее сын или дочь виноваты. Как бы то ни было, в случае жалобы она обязательно наказывала, приговаривая: «Зря жаловаться не будут».

Как мама, так и папанька работы не боялись, но после трудов праведных любили и погулять в компании родных и хороших знакомых. Мама любила принимать гостей и обязательно встретить их хорошим угощением, если даже гость был неожиданным.

В будни мы ели очень простую пищу и подчас не весьма калорийную. В основном картошку, хлеб, капусту, кашу овсяную, хорошо если кашу пшеничную. Рисовую кашу варили

только по праздникам. Кашу чаще всего ели с подсолнечным маслом. Если и варилась молочная каша, то, конечно, не на цельном молоке. Вообще молока употребляли в пищу очень мало. Старались лишнюю кружку молока продать.

У нас, как и почти у всех, главой дома в смысле ведения хозяйства по денежной части была мама. И хозяйство она вела образцово. Деньги на текущие расходы у нее всегда были, но лишнего она ничего не покупала. Расходы вела по доходам и всё планировала. Если намечалась какая-либо покупка, то для этого заранее копились деньги. Как говорят, по копейке: «Копейка рубль бережет».

Если возникала необходимость в какой-то покупке внезапно, а на это не было денег, тогда мама всегда находила возможность занять. Её всегда выручали соседи или знакомые. Мама была очень верная на слово. Если говорила, что отдаст деньги такого-то числа, то обязательно отдавала в этот день или даже раньше.

У мамы была закадычная подружка Вера Ивановна Ашмарина из Луков. Наверное, они познакомились, когда жили в Рублеве. Без Веры Ивановны и дяди Григория у нас не обходился ни один праздник. Они всегда были первыми гостями.

Приходя в Павшино, тетя Вера обязательно заходила к маме, а мама, если нечем было угостить, немедленно посылала кого-либо из нас в магазин. А в это время уже ставили самовар, накрывали на стол, и Вера Ивановна обязательно хоро-

шо угощалась.

Когда у нас бывали гости, то нас, ребятишек, за стол не сажали. Нас кормили заранее и предупреждали: «К столу не подходить».

Если празднество было днем, то мы гуляли на улице. Когда, проголодавшись, мы прибежали домой и просили поесть, то мама говорила: «Поди собери всех, я вас накормлю». Но ели мы, конечно, не за общим столом, а отдельно.

Если же празднество продолжалось и вечером, то мы забирались на печку и выглядывали оттуда. Иногда нам туда чего-нибудь вкусного совала баба.

У нас не было принято, чтобы взрослые брали с собой детей в гости. И мы, дети, конечно, считали это в порядке вещей и никогда не просили взять и нас.

Мама была очень чистоплотной, наш дом всегда отличался порядком и чистотой. Поддержание чистоты стоило больших трудов.

Металлическую посуду мама мыла и отчищала с золой, самовар чистился кирпичным порошком, пол мыли с песком.

В бедности чистоту поддерживать, конечно, очень трудно. До тридцатых годов у нас простыней не было. Спали все ребятишки вповалку на полу. О тапочках и понятия не имели.

Одежда была, конечно, чистая, но всегда в заплатках. Без заплат мы ходили только по праздникам. За привычку копить деньги и не транжирить их папанька иногда называл маму жадной. Хотя жадной она не была и вообще-то деньги не

любила. Необходимость заставляла их беречь. И, конечно, ей не нравилось, когда ее вынуждали обманом платить за что-то дважды.

На самом деле мама – человек очень добрый. Доброта её проявлялась во многом – и в малом, и в большом. Если к нам приходили по случаю или с поручениями маленькие ребята, то мама обязательно чем-либо угощала ребенка. Когда приходили к кому-либо из нас товарищи, то она тоже непременно сажала их обедать или чай пить. Она всегда уделяла большое внимание нашим знакомым.

Её доброту и приветливость замечали не только мы, дети. Мне, например, в 30-х годах Кабанов Николай говорил: «Ваша мать лучше нашей, добрее». Когда сгорел дом у Вуколовых, то мама, не задумываясь, отдала им на «погорелое место» лучшую свою (по надою молока) корову.

Старшая сестра мамы – тетя Поля Спасская – жила очень бедно, и она часто приходила в Павшино проведать сестер и погостить. Навещала она всех сестер, но гостила, ночевала только у нас. Остальные сестры – тетя Маша, тетя Паша и тетя Матрена – не всегда и чаем поили, и ночевать она у них никогда не оставалась. У нас же гостила по несколько дней и уходила всегда с узелком – с подарками.

Я уже говорил: хотя мы всегда имели коров, все же молоко нам, детям, давали редко. От продажи молока шёл основной денежный доход. Но вот к праздникам, особенно к Пасхе, мама обязательно по несколько литров молока раздава-

ла бесплатно бедным соседям, у кого не было коров, – Гусаровым, Ворониным и другим 4-м – 5-ти.

Уже под старость, когда маме приносили пенсию, она, получив деньги, звала внучку Нину, давала ей десятку и говорила, чтобы она шла в магазин и купила хороших конфет, большую селёдку и еще что ей понравится. Мама очень любила чай с «хорошими» (в бумажках) конфетами и селедку (особенно залом).

Ей иногда Рая говорила: «Мам, ты поберегла бы деньги на похороны». Мама отвечала: «Зачем мне это делать? Я знаю: будут у меня деньги или не будут – всё равно вы меня похороните, и, думаю, неплохо (не хуже людей)». Деньги она не любила и не жалела.

Мама умела хорошо готовить. Правда, в первый год замужества, когда не было опыта, у нее и пригорало, и пересаливалось. Если она и боялась, что на нее за это будет ворчать свекровь, то папанька всегда маму успокаивал. Если что-то получалось невкусно, то он, наоборот, говорил: «Очень вкусно!». И просил добавки. Это маму воодушевляло, и впоследствии у нее получалось всё очень хорошо.

Раньше пироги пекли только по большим праздникам и иногда по воскресеньям. Пироги у мамы всегда получались прекрасно – пышные, вкусные. Наилучшей начинкой считался рис с яйцами.

К большим праздникам мама всегда заливала судак, иногда запекала окорок, приготавливала холодец (студень).

В будние дни иногда жарили «драчену». Это жареный на большой сковороде толченый картофель с молоком и яйцом. Мне очень нравились картофельные пироги с капустой, иногда пекли ржаные пироги с кислой капустой. Казалось бы, кушанья простые, но, наверное, в то время у нас были не такие изысканные вкусы, и всё казалось очень вкусным.

Бывало и так: мы только что вылезли из-за стола, и приходил кто-нибудь из родных или знакомых. Сейчас же опять ставили и подогревали чуть остывший самовар. Вновь накрывали на стол, и угощали гостя. Чаепитие продолжалось. Нас, мелочь, конечно, из дома выдворяли. Говорили: «Не вертитесь. Наелись – вам здесь делать нечего. Идите работайте на дворе или гуляйте».

Мама – человек очень благодарный. Если ей кто-то делал что-либо хорошее, то она всегда стремилась и ему отплатить добром.

О полученном от кого-либо подарке никогда не забывала и в ответ при удобном случае одаривала этого человека вдвойне.

Судьба мамина сложилась так, что ей много пришлось претерпеть в жизни всяческих невзгод.

Детство у нее было нерадостное. Родилась в бедной семье. С малых лет пришлось заниматься трудом. В то время как все дети гуляли, она ухаживала за младшими братьями и сестрами. Когда ее сверстники пошли в школу, ее не пустили – она хорошо смотрела за младшими. Сложилось так,

что все ее братья и сестры – и старшие, и младшие – в школу ходили, и неграмотной в семье осталась только она одна.

Вышла в семью она тоже бедную. С первого же дня замужества пришлось очень много работать, чтобы как-то наладить хозяйство.

Дом был полуразвалившийся. Стали жить очень скупно, чтобы поскорее скопить на постройку дома. Свекровь была строгая, во всем ей надо потрафлять.

Затем женился деверь. В дом пришла вторая сноха. Жили все вместе. Работать надо еще больше. Еду готовить на всех.

Появились дети. Только, как говорят, спустит с рук одного ребенка, появляется другой. Родила мама девять детей. В грудном возрасте умер второй ребенок. Двое умерло от тифа в 1921 г. в возрасте 7 и 2 лет. Остались Александр, Георгий, Николай, Иван, Ираида, Пелагея. Они выросли здоровыми и красивыми. Но каждый принес маме много хлопот и волнений.

Первым ребенком была Рая. В детстве, я точно не знаю при каких обстоятельствах, она то ли сломала, то ли сильно ушибла ногу, маме было больнее, чем самой Рае.

Рая в девушках была очень красивой – в маму. И на нее заглядывались много достойных женихов. И в одно и то же время к ней сватались двое.

За судьбу Раи мама очень много переживала. У Раи так же, как и у мамы, судьба оказалась трудной, тяжелой, а мама все Раины беды принимала очень близко к сердцу – как свои.

Остальные дети также приносили много забот.

В 1921 г. у нас вся семья (за исключением бабы и папаньки) переболела тифом. От этой болезни больше всех досталось маме. Она раньше всех поднялась, хотя еще и не выздоровела. Приступила к работе. Осенью, несмотря на болезнь, выполняла все работы по дому и в поле. Простыла на уборке картофеля и с очень высокой температурой слегла. Болела очень сильно. Из-за болезни получила осложнение на уши и оглохла. Первое время ничего не слышала и понимала окружающих только по мимике.

Примерно в это же время заболела малярией. Болезнь эта тоже очень тяжелая. Были приступы, когда всю ее сводило или начинало трясти и выступал холодный пот. Лечебной помощи в то время почти никакой не было. Лечились своими средствами или по совету бабок.

У мамы после этих тяжелых болезней обнаружилось малокровие. В это время она то ли по совету бабок, то ли иногда приходящего какого-то старца, называвшего себя врачом, пила толокно.

Этот старец, когда у нас все болели тифом, приносил нам какую-то воду в больших бутылках, и мы ее пили по несколько столовых ложек.

Свою глухоту мама переживала очень тяжело. Постепенно слух к маме возвращался, но до конца жизни полностью не восстановился, и слышала она плохо. И когда она работала в колхозе, то некоторые, правда за глаза, называли ее «Сашей

глухой».

Мама иногда говорила: «Я и горела, но не сгорела, и тонула, но не утонула. И всё это, наверно, потому, что я нужна на земле».

И говорила она правду. Она действительно и горела, и тонула, но не сгорела и не утонула лишь потому, что она была очень нужна своим детям, семье.

Горела она на свадьбе Раи и Ивана Ивановича.

В то время хорошего керосина не было, а скорее всего, с примесью бензина. Горючее это выделяло много паров. К концу свадебного празднества уже под утро выгорел весь керосин в семилинейной лампе. Мама пошла наполнить лампу керосином. При зажигании лампы вдруг образовалось большое пламя, и на маме загорелось платье.

Кто-то крикнул: «Горим! Пожар!» Среди гостей поднялась паника. Тетя Маша Осокина схватила стул и им выбила стекла из оконных рам. А на маме в это время горит одежда. Хорошо Василий Алексеевич Крюков догадался накрыть маму попавшими под руку тряпками, и пламя погасло. Мама немного обожглась, но сильных ожогов не было. Больше напугалась. В общем, все обошлось по-хорошему. Маме болеть долго не пришлось: заботы о семье способствовали выздоровлению.

А тонула она при следующих обстоятельствах.

Как мама тонула. После освобождения из тюрьмы па-

паньку долго не прописывали в Павшине. И ему первое время пришлось жить где-то под Калинином, за 100 км от Москвы.

И вот как-то поздней осенью, когда начались заморозки, мама взяла для папаньки теплое белье, кое-какие продукты и поехала его навестить.

Сойдя на станции, она спросила, как пройти в деревню Марьино. Ей сказали, что идти около 5 км. Попутчиков не оказалось. Она пошла одна. Сперва дорога была хорошая. На полпути на дороге появились лужи: она их обходила и сбилась с дороги. Затем лужи все более и более увеличивались, и уже обходить их стало невозможно. Она пошла напрямик по воде, тем более что впереди было видно высокое сухое место.

Вначале мама через лужи прыгала, затем они стали сплошными. Мама промочила ноги. Вода была холодная. Чтобы согреться пришлось идти быстрее. Лужи стали глубже. Но уже близко высокий сухой берег. Еще одно усилие, и она будет на берегу. Пошла быстрее. И вдруг... провалилась – пошла вниз. Ноги не стоят, скользят по дну всё глубже и глубже. Мама инстинктивно поднимает руки с узелком вверх, чтобы не замочить его. В это время вода уже выше груди. Мама чувствует, что опускается все ниже и ниже. И уже испугалась, что может утонуть. Место какое-то глухое, вблизи не видно никаких поселений. Сзади пустое поле, станция не видна, вдали за высоким берегом лес. Мама окончательно

разуверилась, что как-то вылезет из этой воды. Первое время хотелось повернуть обратно, но манил близкий сухой берег. А теперь стала тонуть. И тут она начала кричать: «Помогите! Тонуу!!», хотя и видела, что взывать о помощи не к кому. Ноги по дну скользят. Вода поднялась еще выше, подходит к горлу. И тут вдруг по берегу бежит мужчина с палкой и кричит: «Подожди, не двигайся! Сейчас, сейчас!». Спускается в воду по пояс, подает палку, но мама не может дотянуться, у мамы одна рука занята узелком, и он мешает ухватить палку. Мужчина кричит: «Бросай узел!». Мама бросила. Ринулась к палке, захлебнулась, но ухватилась за нее обеими руками, дна уже не чувствуя. И когда она ухватилась за палку, мужчина пошел к берегу. Мама держится за палку. Ноги волочатся. Мужчина подходит к берегу, вода ему по колено. Он говорит: «Вставай, вставай на ноги-то, уже мелко». Мама опустила ноги и почувствовала твердое дно.

Мама, когда вернулась домой, говорила нам: «Ведь могла же я сгореть, был такой случай. Могла и утонуть, но не утонула. Значит, судьба мне уготована другая».

И продолжала: «Я не знаю, есть бог или нет. И хотя я молитв не знаю, но когда стала тонуть, мысленно молилась и говорила про себя: “Боже, нельзя мне сейчас погибать. Ведь у меня дома остались дети. Хотя уже и большие (младшему было 15 лет), но ведь не устроены. Как они будут одни жить? Я им нужна. Господи, не дай утонуть”».

И, как видно, если не бог, то есть какая-то сила, которая

не допустила того, чтобы я утонула.

Когда мужчина вытащил меня, он произнес:

– Я как только вышел из леса, увидел тебя, когда ты подняла узел вверх. И зачем ты здесь пошла? Дорога-то ведь там – вон, где стоит вешка. Там совсем мелко.

– Да ведь под водой-то не видно, где дорога. Я сперва шла-то по дороге. Но вот когда обходила лужи, наверное, и сбилась. Да мне казалось, что я иду самой короткой дорогой, ведь берег-то здесь близко.

– Близко-то близко. Но здесь «чертова яма». Здесь три года тому назад уже один человек утонул. Тоже был нездешний. А что же ты не остановилась, когда я тебе кричал? Я, как только увидел тебя, стал кричать. Ведь я шел там вот, по дороге. И как-то случайно посмотрел в твою сторону.

– Я тебя не видела и не слышала. Я слышу-то плохо.

– Ну, бабка, благодари бога. Еще минута и была бы ты на том свете. Что же мне теперь с тобой делать-то? Ведь ты замерзнешь. И мне некогда с тобой возиться. Я иду на станцию за врачом, у меня дочь заболела.

Я уж благодарила-благодарила. Было у меня с собой немного денег, я достала и хотела ему отдать. Говорю:

– Мил человек, возьми вот, что у меня есть. Тут немного, я и больше бы дала, но нет у меня сейчас ни здесь, ни дома.

– Да ты что, мать! Ну что ты! Разве можно так? Ты же ведь погибала. А ты мне деньги... Да как же я возьму? Что же я – лиходея какой? Да как же в таком деле. Ведь эти деньги мне

руки сожгут. Ведь мне тогда не жить. Меня совесть замучает. Я человека спас, а мне за это деньги. Ну разве можно так... Да ты знаешь, как мне сейчас хорошо. Как я доволен, что тебе помог. Хоть у меня сейчас свое горе, но я рад, я очень рад. Ведь это я всю жизнь не забуду.

– Ну спасибо, мил человек, дай я тебя поцелую. Спаситель ты мой, дай бог тебе здоровья. Дочка твоя выздоровеет. Бог тебе поможет.

У меня голос дрожит, и он весь расстроен. Поплакали мы немножко.

– Ну, мать, я побегу. А ты вся дрожишь. Ты вот что: здесь никто не видит, ты поскорее сейчас же раздевайся, все выжми и надень. Что у тебя в узле? Может, есть какие тряпки? Там, кажется, не все промокло.

(А узел он, как только меня вытащил на берег, достал палкой: он ещё плавал.)

Развязала я узелок. Было у меня там для отца две пары нижнего белья, две пары носков, портянки и теплый свитер.

Свитер совсем промок. Сухими остались только одна пара носков и портянки. Одна нижняя рубашка была не очень мокрая, я ее мокрую часть сильно отжала. Портянками, они были длинные, обвязалась выше пояса, сверху натянула нижнюю рубашку. Надела носки. Отжала свое промокшее платье, надела. Немножко согрелась и побежала.

Да, я забыла сказать, что человек все же успел спросить меня, чья я и куда иду, я сказала, что я издалека, иду в де-

ревню Марьино к мужу. Он мне показал, как пройти в Марьино: оно покажется сразу за перелеском, до деревни не более 2-х верст.

А я-то, дура, совсем опростоволосилась: когда мой спаситель побежал дальше, я хватилась, что не знаю даже его имени. Кричу ему:

– Мил человек! Как тебя звать?

А он пошел еще быстрее, обернулся ко мне, махнул рукой и говорит:

– Да ладно, мать.

Я кричу да кричу, а он идет, не оборачивается. Я стою и плачу от счастья, что жива. Стою и смотрю ему вслед. Гляжу: он добежал до бугорка, остановился, помахал мне и показывает рукой, чтобы я быстрее бежала, пока не замерзла.

Отец мне писал, что живет в деревне у одинокой старушки.

Дошла я до деревни, а вернее – почти добежала. Крайний дом стоит немного в отдалении от других. Дом небольшой, о трех оконцах. Почти врос в землю. Крыт соломой.

Постучала я в дверь, никто не отвечает. Обошла вокруг дома: никого не видно. Постучала еще и слышу: что-то зашумело в доме, кто-то идет и что-то про себя говорит. Открывается дверь, появляется старушка. Худенькая, маленькая, спросонья, но какая-то аккуратная и приятная и говорит:

– Что ж ты, милая, стучишь-то? Ведь дверь-то не заперта у меня: запора нет. Входи-входи. Ты, наверное, жена моего

постояльца? Давно он тебя ждет. Ну, входи, входи!

– Да наслежу я.

– Да входи, входи. Не такие ж у меня хоромы-то, да и не мыла я сегодня пол-то. Что-то мне не здоровится. Вот только что прилегла немного, заснуть не смогла. Если бы заснула, то тебе долго пришлось бы стучать. Ну что ты стоишь-то? Проходи!

– Да я наслежу.

– Да ну что ты говоришь-то! Ничего не наследишь. Давай, снимай пальтушку. У меня тепло. Милая, а чтой-то пальтушка-то мокрая? Неужели дождь? Когда я ложилась, дождя не было. Вот кости болят, всегда к дождю. Так оно и есть.

– Да нет, бабусь, дождя нет. Это я тонула.

– Как тонула?! Да ты что ж сразу-то не сказала? Да ты вся мокрая. На тебе, я вижу, ни одной сухой нитки нет. Ну-ка, ну-ка, раздевайся, снимай платьишко. А чтой-то на тебе мужская рубашка-то? Что, такая мода что ль? Ой, да и рубашка-то мокрая. Ты что ж на самом деле тонула? Где же тебя угораздило? Ведь у нас и утонуть можно только в «Чёртовой яме» на том ручейке. Ой, да что я расспрашиваю. Ты вся дрожишь. Вот что, милая, раздевайся-ка скорей. Тебя надо в чувство приводить. Раздевайся, раздевайся совсем, не стесняйся. Егор Николаевич еще не скоро придет, а так ко мне никто почти не ходит. С краю я живу-то.

Ложись на топчан, быстро-быстро. Сейчас я тебя водочкой натру. Вот так. Хорошо, я бутылку-то припасла. Сама-то

я не пью, а всё надо иметь. Ведь если кто мне что-нибудь сделает, я тому лафитничек и поднесу.

Ну как, отходишь? Вот и тело начинает краснеть.

– Бабусь, не надо. Я уже согреваюсь. Мне бы сейчас горячего чайку.

– Ничего, и чаек будет. На вот, надевай мою рубашку. Ты не брезгуй, она чистая, и я не больная. Правда, маловата, наверно. Ну, налезло. Ну вот хорошо. Теперь вот надень пока эту шубейку. Ничего, что будет жарко. Сейчас я с печки валенки достану. Ну вот полежи немного так. Сейчас самовар поставлю.

Ну вот, как ты? Отогреваешься? Ну-тка, милая, пока самовар поспекает, давай-ка прими теперь из этой бутылочки внутрь.

– Да я не пью.

– Да ведь я тебя пить и не заставляю. Пей, как лекарство, для сугреву. Вот лафитничек выпьешь, и хорошо будет.

Выпила я водки, сразу как-то теплее стало. Тут поспел и самовар. Напоила меня чаем с малиновым настоем и уложила на печку. Поговорили мы немного с бабулей. Я половины и не слышала сквозь дрему. На печке было очень тепло. Меня быстро разморило, все согрелось. Чувствую, что во мне горит как снаружи, так и изнутри. Хорошо мне стало, и я не заметила, как заснула. Правда, я говорила бабуле, что я сегодня же, как только придет отец, посижу еще часок и пойду на станцию, мне надо обязательно сегодня домой.

Я легла часа в 4 дня. И, наверное, долго спала. Ну, конечно, в тот же день я не уехала домой. На другой день отец отпрашивался с работы пораньше. Проводил меня до станции. Через тот ручеек мы проходили по мостику: оказывается, можно было пройти, и не промочив ноги.

Не знаю, как я не заболела. Наверное, от болезни меня спасла баба Агаша (так звали эту старушку). Всю дорогу я думала о том добром человеке, что меня спас, и ругала себя, что ничего про него не знаю. Не знаю, кто он и где живет, как его звать. Молюсь за своего спасителя и не знаю, кто он. Помогите ему, боже! Пусть он будет здоровый. Пусть скорее поправится его дочь. И не знаю, какая дочка-то – большая или маленькая, как ее звать, чем она болеет. Так меня измучила мысль, что я такая неблагодарная. Меня человек спас от смерти, а я его даже не могу никак отблагодарить. Я бы для него ничего не пожалела.

Еду, молюсь, молюсь. Приехала домой к вечеру. Хорошо, дома у нас всё в порядке. Только все плачут, почему я не приехала вчера, как обещала. Ну когда я им все рассказала, что со мной случилось, они уже меня не ругали, а опять стали плакать. Плакать и от горя, и от счастья, что я жива.

Совість меня все время мучила, что я не знаю ничего о своем спасителе. Ругала себя все время. Была очень расстроена.

Меня уже ребяташки по-всякому успокаивали. А я все мучаюсь и мучаюсь. Все думаю о том человеке. Какие же есть

хорошие люди! Всё я передумала. И мне уже тоже стало совестно, что я ему предлагала деньги. Конечно, такие добрые дела за деньги купить нельзя.

В первое же воскресенье я пошла к ранней обедне и решила отслужить по моему спасителю молебен. Пришла в церковь и опять задумалась: «А как же батюшка-то, за кого он будет молиться?».

Подошла я заказать молебен и не знаю, за чьё же здоровье молиться-то.

Стою у свечницы и думаю. Та видит, что я стою рядом, держу кошелек, а деньги не вынимаю. Она меня спрашивает:

– Ну что, милая, свечку тебе, что ль?

– Да я уже и не знаю – свечку или еще что. И вспомнила тут, как когда-то мне отец читал о свечке с лошадиную ногу. Да и подумала: если бы можно было отблагодарить так, чтобы тому человеку стало хорошо, я бы не пожалела свечку не то что с лошадиную ногу, но и с ногу слона.

И рассказала я тогда свечнице, что мне нужно отслужить молебен за здоровье очень хорошего человека, за здоровье его дочки и за здоровье всех его родных. Но я не знаю его имени и фамилии. Сказала, что он мне спас жизнь.

Свечница тут же оживилась, заинтересовалась моей историей и говорит:

– Случай тут такой, что жалеть денег не надо. Я поговорю с отцом Николаем. Он что-нибудь придумает: за какого раба божьего молиться и как молиться. Давай деньги-то.

Я, когда шла в церковь-то, решила сперва купить свечей на целый рубль. Пусть горит и освещает память доброго человека. Когда же поговорила со свечницей, то решила: раз будет батюшка молиться, то надо дать не меньше трех рублей.

Открываю я кошелек. Рубль-то, который был, я отложила и достаю, убогатворенная, трёшку. Просвирня как-то просветлела, берет трояк и видит, что у меня в кошельке лежит еще пятерка. В глазах у нее что-то засверкало, как у жадных людей. И она масляным голоском говорит:

– Ну, милая, у тебя такой случай! Тебе человек жизнь спас, ты что жмешься? Давай, давай все деньги! Отслужить надо получше. За богом не пропадёт.

Когда она посмотрела с жадностью на кошелек и на ту пятерку, которая у меня была припасена на черный день, мне стало как-то нехорошо и совестно за свечницу, за ее жадность. И деньги мне стало жалко. Но уже не отдать я не могла и отдала ей и трояк, и пятерку, и остался у меня в кулаке только рубль.

Я почувствовала себя совсем плохо. Тут же вышла из церкви, увидела убогих на паперти и подумала: «Лучше бы отдала те деньги им». Они, когда берут копейки, то искренне благодарят подающих и желают им всего наилучшего – здоровья, счастья. Совсем расстроившись, хотела тоже дать мелочь этим убогим. Вынула кошелек-то, там и мелочи нет: лежит один рубль. Посмотрела я, посмотрела на рубль и поду-

мала: «Вот ведь как: 8 рублей не пожалела отдать свечнице, которая так жадно смотрела на деньги. А вот этим убогим немощным бедным людям жалеешь». И отдала я этот рубль первой калеке. Та взяла мой рубль. Слезы у нее потекли, руки дрожат. Смотрит на меня, плачет и говорит: «Нужда меня заставила здесь сидеть, я и сижу. Спасибо тебе, дочка. Чувствую по твоим деньгам, что было у тебя большое горе, но ты счастливая, тебе будет хорошо. Спасибо, милая. Добрая ты, здравия тебе».

Когда я отдала тот последний рубль и увидела, как довольна старушка, мне стало на душе легко. Я почувствовала себя хорошо и счастливо.

Была удовлетворена тем, что доставила какое-то счастье не богу на небе, а убогому человеку на земле.

А еще был такой случай.

Зорька. Было это в середине двадцатых годов.

Семья у нас большая. Жизнь тяжелая. Доходы только от сельского хозяйства. А земли мало, и прокормиться от продажи картошки не было возможности.

Пожалуй, основной доход составляли деньги, выручаемые от продажи молока. Из местных жителей покупателей молока очень мало. Поэтому молоко возили продавать в Москву. Некоторые владельцы коров скапливали молоко за 2–3 дня и сами отвозили в бидонах по 20–30 литров для продажи на рынке в Москву, но большинство продавали молоко на ме-

сте скупщикам.

Скупщики отвозили в Москву молоко ежедневно на лошадах.

В деревне было несколько таких скупщиков, которым крестьяне почти ежедневно сдавали свои излишки молока. Скупщики, как правило, принимали молоко вечером. Вечерней дойкой коровы у хозяек завершался трудовой день. После этой дойки мама начинала обычно приводить себя в порядок, переодевалась в более приличную одежду, надевала чистый и поглаженный платочек, брала чистое с крышкой ведро, наполненное парным молоком, и говорила:

– Ванюшк! Скорей принеси бирку.

– Мам, а где она?

– Да там, где и должна быть, на столике.

Бирка – это палочка, на которой записывается количество кружек молока, сданных скупщику. Бирка изготавливалась из легкого дерева и состояла из двух половинок. Одна половинка была с упорчиком, а вторая без него. Одна половинка хранилась у приемщика молока, вторую – приносили с собой сдатчики.

Запись производилась таким образом. Обе половинки складывались вместе и выравнивались вплотную до упора. И острым ножом одновременно на обеих половинках делали нарезь римскими цифрами, т. е. поперечными разрезами. Один разрез за одну кружку (1 литр).

В то время у нас было две коровы. Одна из них, комолая,

старая, и молока давала мало. Мы решили заменить ее другой. И начала мама понемножку прикапливать деньги на покупку новой коровы.

Накопить деньги было очень трудно. Но наша мама всегда выходила из трудного положения. Ее всегда выручали люди. Заняла она немного денег у Веры Ивановны Ашмариной, но основную сумму ей дали вперёд под сдачу молока Волковы.

Можно было и продать комолую корову, но в Павшине все бабы знали, что она старая, молока уже дает мало и денег за неё много не дали бы.

С большим трудом мама наскребла денег, и вот решили они с Гуляевой тетей Надеждой идти покупать коров вдалеке от Павшина.

Слыхали они, что где-то под Ржевом в д. Оленино крестьяне завели хороших удоиных коров, и там они намного дешевле, чем близко от Москвы.

Маме в ту пору было немногим более 40 лет. Она была крепкая, на здоровье не жаловалась. Тетя Надежда хотя и была немного старше мамы, но тоже женщина была еще крепкая и не робкого десятка.

Основным видом транспорта в то время был конный. Но ехать на лошади в такую даль, а это было около 50 верст, было начетисто, и поэтому пошли они пешком. Оделись потеплее; чтобы не истрепать полусапожки, надели на них старые галоши. Взяли с собой немного свежего хлеба, сухарей, сахару и чая.

Вышли из дому, когда только начало рассветать. Осенью дни короткие, они до Оленина дошли только на 2-й день, хотя шли очень быстро и почти не отдыхали. В первый день они прошли что-то около 40 верст. В какой-то деревне решили заночевать. В богатый дом они зайти постеснялись. Зашли в бедный, крайний дом деревни. Выпили по две чашки чаю, съели только по сухарику, и попросили хозяйку разрешить им у нее переночевать. А у хозяйки полный дом мал мала меньше ребят. И ночевать в доме было негде. Устроились они ночевать на сеновале во дворе. Попросили хозяйку чтобы она их разбудила, как будет выгонять корову. Они не надеялись, что встанут рано сами, так как очень устали и могут проспять. А им обязательно надо часам к 10 быть в Оленине. В этот день там будет базар, и надо там быть как можно раньше.

Устроились они на сеновале. Раздеваться не стали, было прохладно. Сняли только полусапожки. Как только устроились, то сразу заснули мертвым сном. Часа в два ночи вдруг над самым ухом у мамы прокричал петух: «Кукареку!», а маме в это время уже что-то снилось. Она слышит «Караул!» и просыпается. В первое время никак не поймет, где она. Никак не может распрямиться, вся запуталась в пальтушке. Потом очнулась, сразу поняла, где находится, стала окликать Надежду. Та тоже проснулась. Хотелось еще спать. Да и тело еще не отдохнуло, а ноги гудели.

Но бодрость пришла быстро, так как было холодновато.

Хотя еще темно, но по петуху они определили время – наверное, часа два ночи.

На соседнем дворе тоже запели петухи, и началась переключка.

Хотя спать и хотелось, но бабы наши решили, что теперь уже все равно не заснешь. Петухи теперь не скоро угомонятся.

Слезли Надежда и Саша с сеновала, отряхнулись от сена. Слышат что-то в доме зашумело. Из дома выходит хозяйка с ведром и фонарем доить корову. Видит наших путешественниц уже вставшими.

– Ну вот, вы уже встали, а я только хотела вас будить. Ну заходите в дом-то. Сейчас я подою корову и самовар поставлю. Попьете чаю и пойдете.

– Да нет, хозяйюшка, мы уж пойдем: лучше пораньше прийти на базар. Чай не уйдет от нас и там. Ты нам лучше расскажи, хозяйюшка, как нам быстрее добраться до Оленина-то.

– Да две дороги-то туда. Одна – лесом. Она короткая, версты на три, наверное, короче. А другая – полем. Но лесом сейчас, пожалуй, вам не стоит идти. Темно еще. Хотя дорога-то там и прямая, а все равно можно сбиться. Советую вам лучше идти полем. Полем не собьетесь – дорога одна. Ну, может быть, на час попозже придете, да все равно рано придете. Сейчас времени-то мало, наверное, часа два или половина третьего.

– Послушали, – говорит мама, – мы хозяйку и пошли по-

лем. Она нам вдогонку кричит:

– Обрато-то пойдете, заходите опять ко мне.

Хозяйка-то была добрая, всё извинялась, что негде ей было положить нас в доме. Ну мы тоже у нее в долгу не остались. Оставили ей сахару ребятишкам, наверное, фунта два и чаю почти полную пачку. Ведь из нее мы взяли только две щепотки на заварку.

Вышли мы рано. Было темно. И хорошо, что пошли по лесу. Лесом, конечно, мы заблудились бы. Пошли быстро. Узелки наши легкие. На улице довольно-таки прохладно, небольшой ветерок. Это нас бодрило. Мы быстро отошли ото сна. Хотя и мало спали, но всё же отдохнули. Довольны были тем, что рано проснулись, и теперь надеялись, что к открытию базара успеем. Каждая про себя строила планы, какую корову она купит. Хотелось бы купить молодую корову лет 3-4-х. Пусть первое время и поменьше дает молока, ведь хорошие, породистые коровы раздаиваются. Надо только получше ухаживать и лучше кормить. Как говорят, «у коровы молоко на языке». Ухаживать за коровами мама умела. А уж кормить тоже знала как. Весной, когда сено на исходе, научились кормить даже соломой. Солому нарезали мелко-мелко, распаривали в бочке и затем посыпали отрубями. Хорошая корова с хорошим аппетитом и от такого корма давала много молока. Хорошо бы купить не только молодую корову, но и красивую – черно-белую с крупными пятнами. Как на рисунках. Вот бы обрадовались все домашние, увидев

красивую корову!

Настроение было хорошее, шли они быстро. К дороге уже пригляделись. Стало чуть-чуть рассветать. И они стали смотреть уже не только под ноги, но и вперед. Уже видели контуры кустиков на расстоянии, сперва в десять шагов, затем всё дальше и дальше. Глаза присмотрелись. И хотя всё еще было темно, но дорогу они видели вперед саженей на 15–20, а затем и больше.

Когда видишь цель, когда видишь дорогу вперед, идешь быстрее.

Прошли наши путники, наверное, версты три, к дороге пригляделись, взгляд стал острый, и вдруг показалось маме, что впереди на горизонте кто-то стоит в белом и машет. Мама думает, что показалось, но затем явно стала различать, что человек стоит высоко и всё машет и машет. Мама не спускает глаз с человека. В темноте расстояние определить трудно. Маме представляется, что это покойник в саване. Если бы она была одна, то совсем перепугалась бы. У нее и так уже пошли мурашки по телу. Но Надежда идет с ней, хотя идет немного сзади. Пока незаметно, чтобы она испугалась чего-то. Мама остановилась, стала пристальней рассматривать. Надежда тоже вдруг увидела что-то белое, и тоже ей сразу представился покойник. Тем более что она совсем недавно похоронила своего мужа Николая. И у нее сразу же сработало воображение, что это он зовет ее. Остановились они обе. Каждая молчит, думает, что это ей одной по-

казалось. Но долго так они стоять не могли. И Надежда, как стоявшая позади, говорит:

– Ты что, Саш, остановилась-то?

– А ты видишь что-нибудь?

– Да, вижу!

– А ведь это нас зовут.

– Ну пропали мы теперь. Что ж будем делать, а? Может, пойдем назад... Да куда ж назад-то? Ведь все равно догонит, далеко ведь бежать.

– Что ж делать, а?!

– Господи, и надо ж нам было пойти ночью.

– Вот теперь, что хоть, то и делай!

Испугались мы очень сильно. Думаем каждая про себя. Всякое воображение разыгралось. Но всё же мы вдвоем. И как-то, когда рядом стоит свой человек, какая-то есть опора. Нам было очень страшно, но, как говорят, «на миру и смерть красна». Постояли мы, постояли. От мысли бежать обратно отказались.

А впереди тоже он и не двигается, он только всё сильнее машет.

Думали мы, думали, постояли, наверное, минут пять и решились всё же идти вперед.

– Ну что, пойдем, Надежда. Двум смертям не бывать, одной не миновать. Если смерть пришла, то от нее не уйдешь.

И пошли мы потихоньку. Идем. Глаз не спускаем с привидения. А оно стоит на одном месте и не двигается, а всё

только машет и машет, как бы манит к себе.

Вот, наверное, когда подойдем ближе, тогда и набросится на нас и задушит.

Вначале-то я шла впереди, а Надежда – след в след за мной. Но потом я уже не могла идти впереди, и мы пошли рядом плечо в плечо. Идем и не спускаем глаз с привидения. И никуда головы не поворачиваем. Тянет уже нас какая-то нечистая сила. Мы уже остановиться не можем, хотя идем всё медленнее и медленнее к своей гибели. Я иду, боюсь остановиться. Знаю, что если я остановлюсь, то и Надежда остановится. А если остановимся, то он, конечно, сразу на нас набросится. Что ж, надо идти. Будь что будет. Всё-таки Надежда рядом. Дрожим, хотя на всем теле и выступил пот. Но пот холодный. Идем. Приготовились ко всему. А идти надо. Страшно! Правда, каждая решила, что просто так безвольно жизнь не отдадим. Будем бороться и посмотрим, кто кого поборет.

И вот тут-то, когда у меня появилась мысль не отдать жизнь без борьбы и до привидения осталось шагов двадцать, я вдруг разглядела (глаз с привидения я все время не спускала), что машет белое, а стоит черное. И когда пристальнее стала разглядывать, то поняла, что стоит крест. А на перекладине белое. И когда мы еще больше приблизились, а глаза стали смотреть еще острее, то мы окончательно разглядели, что машут не руки, а повешенную на крест холстину ветром хлещет. Вот тут-то всё и отлегло. Хотя страх и не прошел,

но мы поняли, что это не человек, что это не живое привидение. Хотя ночью видеть крест и страшно, но он уже тебя схватить не может. Отлегло у нас. Дышать стало как-то легче. Мы всё время смотрели на это привидение с замиранием сердца, и даже не знаю, работало ли оно у нас в то время. Когда мы разглядели этот крест, то пошли уже смелее до креста и не останавливались, но еще тихо прошли мимо него, затем прибавили шаг. И ничего не говоря и не оглядываясь, пошли всё быстрее и быстрее. Затем так быстро пошли, что чуть не бежали. Не помню, сколько времени мы так шли. Стало совсем рассветать. От бега и напряжения сильно устали. Шаг немного убавили. Страх стал проходить. Голова от напряжения тоже устала. Взгляд с дороги мы стали отводить... Где-то слева виден огонек. Мы остановились и сразу обе оглянулись назад. Креста не видно.

Наверное, мы много пробежали. Напряжение спало, мы почувствовали усталость.

– Давай, Надежда, отдохнем, посидим.

Недалеко от дороги мы заметили копешку прелой соломы. Сели. Обтерли пот с лица. Отдохнули. Немного повеселели. Страх прошел.

Поговорили немного, обе, оказывается, думали, что нам пришел конец. И мысленно уже прощались с родными. Жалели, что мало пожили. Жалели, что иногда в жизни не так вели себя с ближними.

Появились добрые мысли. И решили мы, что как только

придем в Оленино, то сперва зайдем в церковь и помолимся.

Пришли в Оленино рано. Было воскресенье. Старушки уже идут в церковь. Зашли и мы. Помолились. Всю заутреню до конца не стали стоять, поставили по свечке. Перекрестились и вышли.

На паперти подали по несколько копеек убогим, инвалидам и пошли на базарную площадь.

На базаре народ только начал собираться. Обошли мы весь базар. Коров пока еще не приводили. Рядом с базаром – чайная. У чайной уже много повозок. На телегах стоят корзины, ящики. Мужики подкладывают лошадям сено. Некоторые надевают на морды торбочки с овсом. Зашли мы в чайную. Народу уже много, но свободные столы есть. Все спростонья. Между столами бегают половые.

Заказали мы половину пары чая. В узелках у нас была еще кое-какая еда. Съели мы по яйцу, хлеба с солью. Выпили по две чашки чаю. Нагрелись. Народу в чайной все больше и больше, и в то же время никто не засиживается. Некоторые мужики и хотели бы посидеть, но бабы их поторапливают. «Нечего, – говорят, – рассиживаться, мы приехали сюда не чай гонять. А на базар. Вот продадим хорошо, тогда и можно попить чаю с баранками». Мы тоже не стали рассиживаться. Пошли на базар. Увидели, что на базаре уже появилась скотина. Слышно: визжат поросята, гогочут гуси. И услышали мычание коровы.

Пошли на зов коровы. На базаре только одна корова. Ка-

кая-то худая, маленькая. Расстроились мы. Нет коров! Походили мы по базару. Поспрашивали, будут ли коровы-то.

Молочницы, которые торговали молоком, заверили нас, что будут-будут коровы-то, еще рано. Часам к десяти-одинадцати их будет много. Сейчас много продают. С кормом в эту зиму будет плохо.

Походили мы еще по базару. Народу стало прибавляться. Видим, что коров ведут. И договорились мы с Надеждой не очень торопиться с покупкой, подождать, когда будет побольше коров. Видим мы, что и у коров покупателей-то не очень много.

Походили-походили мы по базару, и вижу я: ведет к базару женщина мою мечту – черно-белую корову.

Я Надежде сразу говорю:

– Ну это моя!

Надежда говорит:

– Ну что ж, торгуйся, перебивать не буду.

Корова, что мне и нужна была: молодая – не больше 4-х лет. Хорошо упитанная. Хозяйка говорит:

– И не стала бы продавать кормилицу нашу. Да горе у меня. Погорели мы.

Я много торговаться не стала. Уж очень мне понравилась Зорька, так хозяйка ее называла. Зорька меня тоже не отвергла. Я ее всё гладила и хлебом с солью кормила. Да и хозяйку я пожалела. Сейчас уже и не помню, сколько за нее отдала. Но знаю, что торговаться не стала. А еще кроме того,

как сговорились, дала пять рублей на погорелое место.

Вскоре тут же мы купили и Надежде корову. Тоже хорошо. Но постарше – наверное, лет семи. Времени было уже около двенадцати часов. И мы решили сегодня же дойти до той деревни, где ночевали. В чайную уже заходить не стали, да там уже и сесть негде. Полным-полно. Купили мы хлеба, колбасы и подойник. И решили мы обратно до этой деревни пойти лесом. Знали, что с коровами очень быстро не пойдешь, а дорога, говорят, прямая и ближе на три версты. Время было не позднее, и мы подумали, что до вечера еще далеко и если сейчас пойдём, то засветло дойдем. Еще раз мы переспросили, как дойти до Лунина лесом. Все уверяли нас, что дорога прямая и не более семи-восьми верст. Лес не сплошной, перелески и крупного леса мало. Большой лес только уже у самой деревни Лунино.

Перекусили мы немножко и потихоньку двинулись в путь. Я, как всегда, впереди, Надежда сзади. Сперва мы шли довольно быстро. Затем Надежда понемножку стала отставать. Наверное, ее корову вели на базар издалека. Мы не догадались спросить. Про мою Зорьку я многое выпросила: и из какой деревни, и сколько ей лет, и даже какая семья у хозяйки. А тут мы торопились и главное было подешевле купить, и разговор шел только об этом.

Прошли мы версты три и решили хоть полчасика отдохнуть. Мы-то с Надеждой шли бы и шли, да надо коровам дать отдохнуть. Остановились на лужайке. Моя Зорька на-

чала щипать траву, а Надеждина щипнула два раза и легла. Наверное, сильно устала. Еще довольно светло, времени, наверное, что-то около трех. Мы посчитали так, что половину дороги прошли, и решили отдохнуть как следует, чтобы уж потом без всякой передышки идти до Лунина.

Посидели мы, посидели. Я подоила свою Зорьку. Доилась она хорошо. Правда, молока дала немного. Наверное, от перемены обстановки, а может, и поела за день-то мало. Надежда тоже попробовала подоить свою Буренку, но она ей почти ничего не дала. Выпили мы всё молоко, отдохнули хорошо и двинулись в путь. Коровы пошли быстрее. Как всегда, я впереди, Надежда сзади.

Прошли мы, наверное, с час, начало смеркаться. Вошли мы в большой лес. Стало еще темнее. С темнотой приходит страх. Вспомнилось мне, как мы сегодня ночью испугались креста. Как только я это вспомнила, мне иногда стало казаться, что за деревьями кто-то стоит. Но я уж знаю, что мне это только кажется. И потому внушаю себе: нечего бояться. Когда Надежда меня догнала, прошу ее, чтобы она уж не отставала. И говорю, давай пойдем побыстрее. Слыша сзади шаги Надежды и дыхание двух коров, я перестала бояться. Но взгляд напряженный, смотрю всё время вперед на дорогу. Прошли мы так немного плотной кучкой, как мне показалось, что впереди что-то сверкает, а уж совсем стемнело. Сперва я подумала, что, может, это огоньки из деревни сквозь лес просвечивают. Стала шире смотреть и влево, и

вправо. Сверкает только впереди на дороге.

Я уже не спускаю глаз с этих светящихся точек, и эти точки тоже не двигаются. И тут я вспомнила, что утром мимо базара прошли два человека в сапогах с высокими голенищами. С ружьями – наверное, охотники. И упомянули что-то о волках. Как только я вспомнила это, я сразу поняла, что это сверкают глаза волков. Я так испугалась! С детства вошло в мою голову, что самое страшное – это волки. Ещё когда нянька мне рассказывала сказку о Красной Шапочке и Сером Волке. Да и отец мне перед этим читал, как один человек ехал зимой на лошади и еле-еле ускакал от стаи волков. Знала, что волки нападают на людей. Как только мне пришло всё это в голову, я остановилась и говорю Надежде:

– Ты видишь?

– Да, вижу. Кто-то лежит на дороге. Я давно уже вижу. Но раз ты идешь, то и я иду. Ничего тебе не говорю.

Я тоже стала различать, что на дороге большая кучка. И глаза стали различать многое. Стоим мы с Надеждой, затаив дыхание, молчим и дрожим. И испытываем тот же страх, что был утром. Глаз не спускаем с глаз волков. Волки тоже никаких звуков не подают, притаились. Наверное, думают, как на нас броситься и на кого первого. Тихо-тихо. Только очень громко стало слышно, как коровы пережевывают жвачку. И от коров пахнет молоком. Мы-то с Надеждой молчим, может быть, волки бы нас и не заметили, может быть, мы и спрятались бы от них. Но коровы-то жуют, молоком-то от них

пахнет. Волки-то это всё, небось, чувствуют. Значит, вот-вот набросятся на нас.

Стоим. Замерли, даже шептаться боимся. Не шевелимся. Глаз с волков не спускаем. Вмиг пролетела в голове вся жизнь. Про корову я уж и забыла. Детей мне стало жалко. Как же они вырастут без меня? Страх такой напал на меня, чувствую, что я вся мокрая. Мурашки по телу бегают, волосы встают дыбом. Дрожу. Не помню уж, сколько мы как в оцепенении стояли. Но всему бывает конец. Мы стоим, не падаем. Начинаем приходить в себя. Повернулась я к Надежде. Лица в темноте не видно, но она стоит, тоже оцепеневшая. Я опять поворачиваю голову на глаза волков. Они замерли. Ну когда же они будут на нас прыгать-то, когда же, наконец, конец-то? Молчим. А коровы жуют.

Шепчу:

– Надежда, что же делать-то?

– Не знаю.

– Что ж до утра будем стоять? Давай пойдем.

– Да как только сдвинемся, так они на нас и бросятся.

Я тоже так подумала. Знаю, когда остановишься перед набросившейся на тебя собакой, она тоже остановится и замолчит. Стоит только сдвинуться или того хуже бежать, так тут же собака начинает тебя кусать. Наверное, так и волки будут делать. Мы стоим, держим за поводки коров и не знаем, что делать. Волки тоже все смотрят на нас, не шевелятся и тоже, наверное, что-то думают. Не знаю, сколько бы мы так стояли,

устали мы от страха. Не знаю, думают ли что коровы. Наверное, что-то тоже думают. Ведь живые, ведь что-то соображают, едят, пьют, ходят, ложатся и когда их позовешь – подходят, откликаются – мычат. Ласкаются, лижут руки, когда им даешь хлеб. Бьют хвостом, когда больно дергаешь за соски. Ну, наверное, тоже соображают. Не знаю из каких соображений, но вдруг моя Зорька дернула за поводок, пошла вперед. Невольно и я потянулась за ней. Я испугалась при этом пуще прежнего, но все же иду за Зорькой и даже немного начинаю ее подталкивать. А сама в это время всё не спускаю глаз с волков. Надежда тоже сдвинулась и идет за нами с Зорькой. Я иду за Зорькой, как за щитом каким, и про себя говорю: «Ну иди, иди, милая Зорька, не бойся, мы с тобой». Говорю и всё вперед смотрю. Совсем уже подходим близко. Волки не движутся. Зорька моя идет как ни в чем не бывало, хвостом помахивает. Меня им задевает. Как бы говорит: «Не бойся, иди, ничего не будет». Я ее вроде и понимаю. Поглаживаю и не отпускаю от нее рук. Она теплая, живая, и ее тепло переходит ко мне. И всё же как бы я мысленно ни разговаривала с Зорькой, я всё время не спускаю глаз с глаз волков, а они тоже всё время смотрят на меня. Подошли мы совсем близко к волкам. Когда я стала ощущать тепло Зорьки, дрожь у меня стала проходить. Я как-то смелее стала смотреть вперед. А они стоят на месте. Страх у меня стал не такой страшный. Я как-то с ним уже свыклась. И... отвела свои глаза от волков. Стала смотреть на их тело. Думаю, что же они не шевелятся

и даже хвостами не машут, разглядываю внимательнее. Подошли совсем близко. Глаза сверкают, а они совсем не движутся и даже ничуть их не слышно, не дышат. Подошли к ним уже вплотную, а они на нас не бросаются, что они не живые, что ли?

Голова Зорьки поравнялась с волками, и я вдруг сразу поняла – какие же это волки, убежали они что ль? Мы ведь и не видели, чтобы они убежали, а глаза оставили. Лежит у дороги рядом с пнем толстое и мягкое, наверное, гнилое бревно. Отошли мы от бревна, оглянулись, а оно опять сверкает.

Ну говорить вам, что мы пережили тогда, не стоит, но когда мы пришли домой, то домашние заметили, что у меня появились седые волосы.

Поседали, наверное, в то время, когда от страха волосы вставали дыбом.

После встречи с «волками» вскоре мы вышли из леса, и показались огоньки деревни.

После этого с нами уже никаких происшествий не было. Шли уже только по-светлому.

Домой пришли на третий день к вечеру. Зорька моим всем понравилась.

Я ее очень полюбила. Страх мой сблизил меня с ней. И она помогла мне перебороть его. Зорька меня тоже очень полюбила. Как только утром я входила в хлев, она мычала и помахивала хвостом. Я ей давала хлеб с солью. И садилась доить. Мы понимали друг друга. Она никогда не прижима-

ла молоко. Она как бы помогала мне доить. Отдавала молоко до капельки. Когда я доила, она помахивала хвостом, но никогда крепко не хлестала, а только слегка касалась моей головы, как бы гладила.

Когда я ходила на полдни, я ее никогда не искала, она всегда подходила ко мне сама, пока я еще доила комолую.

Вечером Зорька домой всегда приходила самая первая. И я всегда встречала ее, угощая куском хлеба с солью.

Вот так я любила свою мечту – Зорьку. На второй год Зорька раздоилась. Кормила я ее хорошо, всегда старалась, если мало корма, всё же ей дать побольше.

И она меня отблагодарила. Стала «ведерницей». Я от нее одной надаивала по целому ведру – 10 литров за один удой. И всё же мы с ней расстались...

На следующий год в Павшине был большой пожар, в селе сгорело четыре дома. И в том числе дом дяди Мити Вуколова. А дядя Митя – это муж тети Паши – младшей сестры мамы. И вот мама с папанькой решили отдать тете Паше на погорелое место одну из трех коров. И выбор пал на Зорьку. Потому что от старых коров – Буренки и комолой – толку было мало.

Жалко было Зорьку, но если помогать, так помогать.

Первое время вечером, когда пригоняли стадо, Зорька всё время приходила к нам. И тетя Паша отводила ее к себе от нас. И даже на полдни Зорька всегда подходила к маме. И маме приходилось ее доить. Она еще очень долго не давалась

дойть тете Паше.

Мама работала в колхозе. Работала мама в полеводческой бригаде. Она всегда была очень трудолюбива и все работы всегда выполняла очень быстро и качественно.

Из-за плохого слуха мама не принимала участия в разговорах совместно работающих с ней колхозниц. А они, беседуя, конечно, приостанавливали работу, и иногда надолго. Тем временем мама уйдет от товарок далеко вперед.

– Саш! Ты бы отдохнула. Послушала бы о чем говорят-то.

– Да что отдыхать-то. Я ведь не разбираю, о чем вы там говорите-то. А сидеть так я не могу.

В первые годы в колхозе работали неважно. Были годы, когда колхозники деньгами ничего не получали. Как говорят, работали за «палочки», то есть за выработанный трудодень начислялась единица и за эти единицы получали осенью натуроплату (капустой, картошкой и др.).

Семья у нас была большая. И хотя в доме не было просторно, но для того чтобы иметь в доме хоть сколько-то денег на крайне необходимые расходы (на покупку спичек, керосина...), пришлось потесниться и одну каморку сдавать в наем. В разные годы в каморке жили: Николай Петрович – Верин брат, затем Николай из Рахманова – племянник Павла Петровича, мужа Екатерины Петровны, затем Осип.

А в конце войны в половине дома жила даже целая семья – муж и жена с ребенком.

Когда мама работала в колхозе и во время войны, основной доход, можно сказать, был от усадьбы. Вся усадьба – площадью около 20-ти соток – засаживалась картошкой.

Последние годы папаньки

Арест папаньки. Мои хлопоты. Очень тяжело переживала мама арест папаньки и его осуждение. Все заботы о семье легли теперь на одну маму. Папанькино положение она переживала тяжелее, чем он сам. Осознание, что человек осужден несправедливо, подрывало силы мамы. Она предпринимала безуспешные хлопоты, чтобы доказать, что папанька ни в чем не виноват, что он вообще кристально честный человек. Основная его вина, что он доверчив, это его и погубило. Он бесхитростен.

Большую поддержку маме в этот момент оказывали ее близкие и родные. И особенно зятя – Иван Иванович и Иван Феофанович. Был нанят защитник. Некий Брауде.

Деньги он получил не только официальные, но также и сверх того. Но ничего не помогло. Кстати сказать, мне кажется, защитник и не стремился защитить. Помнится, что решение суда было написано очень неграмотно.

Я в то время учился в институте.

Мне было очень тяжело. Я получал стипендию 140 рублей. Это было ничтожно мало. Из них я, конечно, в семью ничего вкладывать не мог. И мама мне тоже ничем не могла помочь. У меня в ту пору не было даже ботинок. Мне приходилось какое-то время ездить в институт в одних галошах.

Со своей стороны я тоже предпринимал попытки как-то

помочь папаньке. Я добился приема у прокурора республики Рочинского.

Прокурор на меня накричал.

– Ты что – кулака пришел защищать?

Оказывается, в деле папаньки была справка, по всей вероятности, от сволочного человека – бывшего председателя сельсовета Курделева.

Я пытался возражать и сказал, что отец не кулак. И хлопчу я за своего отца, честного человека, и от отца отказываться не собираюсь.

Я ничего не добился.

Но после этого, то ли по инициативе автора письма, то ли по наущению Курделева, в институт пришло послание от Савиной Нюры – сестры моих товарищей Савиных – Александра и Егора, что у меня отец осужден.

В то время я был комсоргом группы.

В институте дело дошло до того, чтобы меня исключить из состава студентов. Всё же я доказал и меня поддержали товарищи по группе, что отец мой не враг народа, и я буду хлопотать за него. Тем не менее, как говорят ныне, *санкции* ко мне были приняты: я был отстранен от обязанностей комсорга.

Маме в то время я об этом не говорил. Ей и так было трудно. Тяжело было, но мы жили, перебиваясь, как говорят, с хлеба на воду. Письма от папаньки из заключения шли бодрые. Он учитывал наше положение и писал, что ему там хо-

рошо. Это, конечно, нас успокаивало. Но мы знали, чего же там хорошего?

Освобождение. Папанька добросовестной работой, хорошим поведением и, главное, своими собственными хлопотами доказал, что осужден он необоснованно. И из 10-ти лет, вынесенных ему приговором суда, он не просидел и 3-х лет.

Выйдя из заключения, папанька не особенно обижался на судьбу. И говорил, что человек должен пройти через всё.

Хотя папанька и был освобожден, но Курделев опять продолжал делать пакости. Он всячески препятствовал прописке папаньки по месту жительства. И папаньке на какой-то период пришлось выехать в Калининскую область к знакомым людям, где папанька и устроился на работу. Мама видела, как тяжело всё это переживал папанька, хотя виду и не подавал.

Как-то мама даже сказала во время болезни папаньки, что лучше бы он умер: ей горько видеть, как он мучается не от болезни, а морально.

Затем папаньку всё же прописали в Павшине. Но он был больной. Физически долго работать не мог. Посильно, однако, работал и опять включился в общественную работу. Снова стал писать. Сотрудничал в районной газете «Красногорский рабочий» и иногда в центральных газетах.

Хотя смолоду папанька был крепок здоровьем, но после ареста его здоровье сильно пошатнулось. Правда, и до того

уже было потрясение – толчок, когда его сократили в Рублеве. Он чувствовал обиду. Ведь его сократили не за плохую работу, а лишь потому, что был связан с сельским хозяйством, а тогда была безработица и надо было давать рабочие места безработным. То был первый толчок для сердца. Возвратился из заключения папанька уже с сильными болями в сердце.

Перед войной у нас вроде бы все наладилось. Все дети подросли, все работали и не женатыми остались только двое – братья Коля и Ваня. Как говорят, жить бы да жить. Но здоровье у папаньки было подорвано. Сердце пошаливало. И вот весной 1940 г. на Пасху ночью у папаньки схватило сердце. (В тот год Пасха была 28 апреля. – Л. З.)

Папанька не был верующим в бога. Когда работал в Рублеве был членом партии большевиков, хотя в детские годы ходил в церковь, тем более что учился в церковно-приходской школе, где изучал Закон Божий. И папанька за прилежание и хорошие успехи по окончании школы в награду получил от школьной инспекции Евангелие с дарственной надписью.

И вот с вечера за несколько часов до смерти он сказал маме:

– Давай, мать, послушай – я тебе пропою пасхальную церковную службу.

У него была хорошая память. И хотя он давно уже не ходил в церковь, но службу запомнил с детства.

Смерть папаньки. Ночью у папаньки схватило сердце. Он разбудил маму и говорит:

– Мать, я умираю, пошли поскорее за Раей.

Умер он, как говорят, спокойно, безболезненно. В одночасье.

Я в то время был на Дальнем Востоке. Служил в Красной Армии на действительной службе второй год. Мне было присвоено звание младший воентехник. Жил я на съемной квартире с Верой и дочкой Люсей.

О смерти папаньки мы узнали только через месяц после похорон из письма Вериней сестры – Надежды.

Читая письмо и дойдя до слов «...Юра! Все вы, наверное, переживаете смерть Егора Николаевича...», я был ошеломлен и потрясен и в первые дни никак не мог опомниться, представить себе, что теперь у меня нет в живых дорогого мне человека, давшего мне жизнь, – моего отца...

В день смерти мне была послана телеграмма. Но она почему-то не дошла...

Мама после смерти папаньки и в войну

После смерти папаньки все заботы о доме, о хозяйстве, о детях легли полностью на маму. Хотя и при папаньке хозяйство вела мама, но, как говорят, хозяином был всё же папанька.

Папанька, хотя и больной, всё делал сам и не любил обращаться за помощью.

Теперь мама иногда была вынуждена обратиться к соседям или родным за помощью для выполнения какой-либо тяжелой или несподручной работы. И ей всегда оказывали эту помощь с удовольствием брат дядя Петя, дядя Леня Мусатов и другие, так как она за эту помощь всегда старалась отплатить сторицей. Она и накормит, и выпить даст, и деньгами заплатит.

Помню, уже после войны купила мама уголь. Машину выгрузили на улице. Только машина ушла, тут же прибежали ребята соседей – Алексеевы Виктор, Николай и Толька – и говорят:

– Тетя Саш, скажи, куда убирать уголь-то.

Они знали, что она отблагодарит. Мама всегда была очень благодарна.

Она никогда не оставалась в долгу.

– Я лучше передам, но чтобы совесть у меня была чиста.

Правда, папанька называл её жадной. Но быть скупой в семейных расходах ей приходилось из-за малых доходов. Она соизмеряла расходы с доходами.

Трудно было маме во время войны. Она осталась одна. Младший сын Иван, с которым она жила перед войной, ушел на фронт. Рая с семьей эвакуировалась на восток вместе с предприятиями, на которых работали она и Иван Иванович. Перед войной и Рая, и Иван Иванович, и их дети часто заходили к маме и, в чем нужно, всегда ей помогали. Коля перед войной был на действительной военной службе в Забайкалье и во время войны был переведен в действующую армию.

Старший сын Александр с первых дней войны также был призван в действующую армию.

Обо мне и о судьбе моей семьи маме ничего не было известно с самого первого дня войны.

Изредка только Поля с Иваном Феофановичем навещали маму. Они жили и работали в Москве.

Уже в первые месяцы войны немцы приближались к Москве. А жить надо было. Тыл очень напряженно работал на войну. Оставшиеся в колхозе женщины работали очень напряженно не только за себя, но и за ушедших на войну мужчин. Мама в колхозе работала с большой отдачей, а тут еще больше прибавилось работы и по дому. Самой пришлось заготавливать дрова, одной обрабатывать усадьбу. Жила-то только за счет усадьбы, за счет картошки, собираемой с нее.

Ночевать одной в доме было страшно.

Хорошо ей в это время помогала семья ее сестры Матрены Семеновны Мусатовой. Ее дочка Тоня часто ночевала у мамы, а ее муж, дядя Леня, помогал в заготовке дров. Они вместе с мамой ездили на санках в осинничек за Москву-реку за дровами. Одной, конечно, ей не спилить дерево.

К началу войны маме было 56 лет. Она была в полном здравии и для своих лет красивая. Стройная, всегда подтянутая, аккуратная, и на нее часто заглядывались мужички. И пытались ухаживать. Один даже, работающий почтальоном, делал предложение о замужестве.

Очень часто, якобы по дружбе детства, к ней заходил Михаил Емельянович Куликов.

Но мама никакой глупости не допускала и поползновения ухажеров отвергла.

Несмотря на тяжелую жизнь, мама не унывала и всегда была жизнерадостна.

Тоня Мусатова говорила, что с мамой было очень интересно жить. Она всегда остроумна. Вечерами много рассказывала всяких историй из своей жизни, обладала юмором.

Однажды после обеда, идя по улице на работу, не видя перед собой и сзади никого, она освободила желудок от скопившихся газов с громким звуком. А в это время сзади из калитки вышел мужчина и с усмешкой несколько повышенно-приглушенным интимным голосом говорит:

– Бабусь, потеряла!

Мама смутилась, но не растерялась и отвечает:

– Ничего, милай, подбирай, уменя еще есть.

И смеясь, еще пустила очередь.

– Ну, бабка! Ты даешь!

Мужику ничего не осталось, как тоже громко расхохотаться.

Несмотря на неграмотность, мама всегда была в курсе политических событий, происходящих как за рубежом, так и внутри страны. Она всегда внимательно прислушивалась к читающим газеты.

При всяком удобном случае папанька, когда была возможность маме слушать, читал вслух.

И как говорят, с кем поведешься, от того и наберешься. А в нашем кругу большинство были проводниками коммунистического мировоззрения. Оба зятя были коммунисты. Папанька в прошлом тоже был большевиком, да и всю свою жизнь был активным проводником справедливости и коммунистической морали.

Мама коммунизмом считала что-то чистое, возвышенное, что интересы общества ставит выше личных интересов.

Это ее понимание проявлялось во всем, даже в мелочах.

Однажды сосед, Липилин Петя, вылил грязные помои на улицу. Мама ему сделала замечание:

– Петюньк! Что ж ты улицу-то грязнишь. Ведь тут народ ходит, а небось коммунист.

В войну она боялась, что немцы могут прийти и в Павшино. И чтобы не оставить немцам ничего из бумаг, которые

могли как-то помочь узнать, что за семья живет в этом доме, чтобы не дать повода немцам для преследования ее детей, она сожгла все наши книги и письма. Это было в конце 1941 г., когда немцы приближались к Москве.

Мама всегда горой была за советскую власть и была на все сто процентов уверена в своих детях, в том, что они тоже такие.

И когда в колхозе стало известно, что Кабанов Виктор расстрелян за предательство, а затем была арестована его мать – тетя Оля, которая работала напарницей с мамой в колхозе, то некоторые женщины говорили маме, что вот и твои дети могут быть такими. Тогда мама твердо заявляла:

– Вот голову пусть мне отрубят, но с моими детьми этого случиться не может. Они идейные коммунисты. Они за родину жизнь отдадут, но предателями быть не могут.

Она верила в своих детей до конца своей жизни. И дети ее не подвели. Воспитание она дала правильное.

В войну маме было очень тяжело. Можно сказать, что Павшино было в прифронтовой зоне.

В первые дни войны часто были налеты фашистских самолетов на Москву, а летели-то все ведь мимо Павшина. Бросали бомбы и на Павшино. Одна бомба упала и взорвалась в районе колхозных парников.

Все жители Павшина должны были рыть вблизи своих жилищ щели для укрытия. Мама тоже вырыла большую щель у себя на усадьбе.

Единственная отрада у мамы была – получать письма от своих детей, ждала их с радостью и тревогой. Многие получали похоронки. И вот пришла беда и к маме. Сноха Настя получила в 43 г. похоронку на Александра. Его призвали в первые дни войны. Он был уже опытный боец. Участвовал в финской войне. На фронте он был шофером на грузовой автомашине, подвозил к передовой снаряды. Погиб при исполнении боевого задания. Машина наехала на мину.

Мама очень плакала.

Жила мама в основном за счет усадьбы, и, конечно, много помогали, чем могли, Поля с Иваном Феофановичем. Они получали продукты на карточки.

От колхоза мама получала мало, хотя трудодней и было много. Вся продукция шла на нужды армии.

Как-то колхозницы спросили у мамы:

– Саш, а тебе капусту привезли?

– Нет, не привозили. А разве всем развозят?

– Да нет, не всем, а только семьям погибших, по указанию райвоенкомата.

Пошла мама в райвоенкомат. Никогда она раньше по учреждениям не ходила. А тут осталась одна, и пришлось и это дело ей осваивать. Ей там секретарь ответил:

– Что Вы спрашиваете? Вы ж получили!

Добилась она своего, дошла до начальника.

– Как же я получила, если мне не привозили?

– Да вот Ваша подпись.

– Какая подпись: я неграмотная!

И узнала, что, оказывается, действительно для мамы капусту привозили, но эту капусту перехватила Савина Нинка (Нина Александровна). У нас фамилия раньше была тоже Савины. Вот этим она и воспользовалась. И кажется, с этих пор они так же присвоили себе фамилию Зубковых.

Сказала потом мама Нинке, что нехорошо так делать. Но капусту так и не получила. С Нинкой спорить было бесполезно. Она в то время работала в аппарате райсовета.

Кстати, вспоминаю случай из детства.

Прибегает с улицы Мишка, мой двоюродный брат – тогда мы жили вместе, и плачет и жалуется, что у него отняла какую-то игрушку Нинка Савина. Я тут же побежал на улицу с намерением отнять эту игрушку у Нинки. Но вернулся ни с чем. Она и меня избила. Она была старше меня на год или два. Плакать было стыдно, но героя-защитника из меня не получилось.

Маме после извещения о гибели сына Александра установили пенсию на погибшего. Но когда она узнала, что пенсия выплачивается или матери погибшего, или жене, она пошла в военкомат и отказалась от получения пенсии в пользу жены – Насти.

А горя у мамы было много. Два года назад пришла похоронка на старшего сына. Младшие два служат в действующей армии. Воюют на танках, идут вперед, получают награды. А вот теперь уже старший сын с семьей неизвестно где.

Работал на границе и с первого дня войны о нем нет никаких известий. Мама вся извелась, думая о нем. Но всё же надеется, что он и его семья живы.

Несмотря на тяготы войны, мама не поддавалась унынию. Надо было жить. Бодрилась, не падала духом. Была остроумной и могла пошутить. И в тот раз немного посмеялась с этим мужчиной.

На другой день после шутиливой перепалки с незнакомцем также в обеденный перерыв кто-то стучит к маме в дверь. Мама открывает, и перед ней стоит вчерашний шутник, он оказался новым почтальоном. Увидев маму, он смутился:

– Ах, это Вы. Вот Вам письмо.

Мама так же, как и он, почти одновременно с ним сказала:

– Это Вы!

Затем одернула кофту и говорит:

– Что ж мы стоим? Вы проходите в дом-то.

Он очень смущен.

– Вы, пожалуйста, извините меня за вчерашнее, за мою глупую выходку.

– Ну что Вы! Я ведь тоже на старости лет наозорничала.

– Еще раз извините, берите письмо-то.

– Нет, нет. Прошу Вас проходите, пожалуйста. Я Вас прошу. Хочу просить Вас прочитать письмо.

– Ну что Вы. Мне как-то неудобно читать чужие письма.

– Но я прошу еще раз, очень прошу. Мне хочется поскорее узнать, от кого письмо.

– Ну Вы сами прочтете, зачем же я буду читать...

– Мил человек, ну разве я стала бы так просить, если бы могла сама прочитать.

– А почему же сами-то не хотите прочитать?

– Мил человек, ну как же я прочитаю, если я неграмотная.

– Да что Вы! Неужели Вы неграмотны! Вот никак бы не подумал. Вы такая находчивая и так мне вчера, как говорят, врезали за мою глупость. Еще раз прошу меня простить. Конечно, если Вы действительно неграмотны, я уж теперь верю, я вижу, что Вы говорите искренне. Хорошо-хорошо. Идемте в дом, – конечно, прочитаю.

Прошли вперед. Сели за стол. Достал почтальон солдатский треугольник с адресом: Павшино, Садовая, 44.

Развернул, начал читать. На внутренней стороне этого военного конверта:

Дорогая мамаша, посылаю Вам записку от Вашего сына, может быть, уже отпетого Вами. Много о Вашем сыне я написать не могу, я был с ним всего минут пять во время отдыха на немецкой земле. Он шел в колонне в СССР, а мы – на Берлин. Когда мы сидели близко друг к другу, он спросил:

– Есть кто из Москвы?

Мы оказались земляки. Я из Щукина, он из Павшина. Он успел Вам написать записочку и очень просил ее Вам послать, что и выполняю. Немца бьем. Скоро конец войне.

Когда почтальон это читал, мама все время утирала слезы.

– Где, где эта записка-то? Читайте скорее.

– Вот она, вот. Тут уже написано простым карандашом:

Дорогая мама! Наконец-то представилась через столько лет возможность сообщить тебе и всем родным: я и вся моя семья – Вера, Люся и Нина – живы. Мы почти всё время вместе. Писать нет времени. Теперь постараюсь как-нибудь еще написать. Всё.

Мама уже стала открыто плакать и всё время сквозь слезы повторять:

– Живы, живы.

Почтальон начал маму успокаивать.

– Ну как же не плакать-то. Радость какая – живы!!! Ой, мил человек, дайте я Вас поцелую. Радость какая – живы, все живы. Мил человек, посидите, пожалуйста, немного. Давайте пообедайте со мной.

– Спасибо, спасибо, мне как-то неудобно.

– Я быстро. Радость какая!!!

Уговаривать больше не стала, а быстро поставила на стол тарелки, ложки. Открыла шкаф, поставила две стопочки и начатую уже бутылку с водкой. В бутылке было наполовину отпито.

– Разливайте, пожалуйста, разделите со мной радость, а я достану щи. Разлила щи. Достала третью тарелку и в ней принесла горячую, слегка подгоревшую очищенную картошку.

– Извините, хлеба нет. Я привыкла к картошке. Мне нра-

вится.

Выпили за радостную весть. Мама рассказала, что сын перед войной уехал в Литву и работал на укреплении границы. Выпили, закусили и мама попросила еще раз прочитать письмо. И уже после этого допили остатки за скорейшее окончание войны и за встречу с сыновьями, которые воюют, и за встречу со всей семьей, за пропавших без вести.

Когда читали и после, мама все ломала голову (правда, почтальону ничего не говорила), что еще за Нина появилась у них.

Р. S. Наверное, у мамы было что-то с головой не в порядке. Когда в октябре-ноябре 1945 г. приехали Вера с детьми после этой ужасной разлуки, то Нина стала говорить:

– Баба Саня! А я тебя помню!

Часть II

Мирные годы

Г. Г. Зубков. В. П. Зубкова

Моя жизнь до Великой Отечественной войны

Г. Г. Зубков

Детство в Рублеве. В период Первой мировой войны Рублево как важный объект было на особом положении.

Рублевская насосная станция (РНС) являлась основным источником водоснабжения г. Москвы.

Территория РНС была более одного квадратного километра, обнесена по периметру сплошным забором. Вход на территорию был через проходные ворота с трех сторон: со стороны Москвы (восточная часть), с северной стороны от деревни Луки и с западной стороны через понтонный мост (а зимой по льду) через Москву-реку рядом с водоприемником.

Папанька работал с 1903 г. дежурным в здании насосной станции при английских фильтрах. И брат его, мой крестный Андрей Николаевич, – лаборантом в насосной станции первого подъема при водоприемнике. В начале войны 1914 г. им предложили вместе с семьями переехать в поселок при РНС.

Мы жили в одноэтажном кирпичном доме.

В доме было четыре квартиры. Наша квартира была обращена окнами в сторону реки. Квартира состояла из большой комнаты около 20 м², кухни, уборной и небольшой кла-

довочки с погребом и палисадником.

Баба Анна осталась жить одна в Павшине. А мы шесть человек: мама с папанькой, Рая, Александр, я и Поля жили в этом доме. Жили мы в Рублеве около трех лет. Воспоминания о жизни в Рублеве остались только отдельными эпизодами. Продовольственный магазин располагался рядом с нашим домом в подвале 3-4-этажного кирпичного здания. Дом этот почему-то назывался казармой.

В этом доме на втором этаже в коммунальной квартире жила семья крестного, состоявшая в то время из крестного, тети Маши и их детей: Михаила, Ивана и Клавдии.

В поселке был один магазин, больница, прачечная, баня, школа и коровник, наверное, на двадцать стойл. В этом коровнике содержалась и наша корова.

В домах были водопровод, канализация, электрическое освещение, отопление печное – дровами.

Очистка сточных вод производилась полями орошения. Эти поля располагались на другой стороне Москвы-реки. Поля орошения использовались для посадки капусты. Мы на полях также имели делянку для посадки капусты.

Этот период своей жизни я помню смутно, остались в памяти лишь отдельные эпизоды.

Как-то в летнее время мы с ребятами моего возраста 5–9 лет играли на улице. Где-то взяли тележку и друг друга катали на ней.

Тележка была большая, на нее садились трое-четверо и

такое же количество было везущих.

Тележка представляла в миниатюре большую телегу на четырех колесах. Передние колеса – ведущие – поворачивались на шкворне и были поменьше. Задние колеса были высокие и выступали выше платформы.

В этот раз я сидел сзади. Башмаком правой ноги я задевал за спицы, и мне нравился стук ботинком по спицам тук-тук, тук-тук. Дорожка пошла с маленьким уклоном, везущим стало легче, и они с криком побежали, а нам на платформе стало весело, мы смеемся. От неровностей на дорожке платформа вздрагивает, мы ерзаем на платформе и, чтобы не упасть, держимся за боковые стенки дрожащей платформы.

При встряске у меня ботинок сунулся дальше в промежуток между спицами, и спица потянула ботинок за собой. Моя нога как бы тормозом не давала колесу крутиться. Я почувствовал сильную боль, стал плакать, но ребята не замечают, кричат, смеются, и повозка продолжает, хотя и медленно, двигаться – правое колесо двигается юзом. Я уже и кричать не могу, только открываю рот. Руками с силой схватил руку девочки, сидящей рядом со мной. Она посмотрела на меня, увидела, что у меня застряла нога, ручьем льются слезы и какие-то чудные выпученные глаза, я бледный, в обмороке. Она громко завизжала. Повозка остановилась, ребята, увидев меня в таком виде, испугались и в первый момент были в растерянности. Часть ребят разбежались. Двое, которые побольше, пытались вытащить мою ногу, но у них ни-

чего не получилось, и мне это еще больше причиняло боль. Я очнулся и опять стал сильно плакать. Недалеко проходил какой-то дядя. Услышав громкий неистовый детский крик и плач, подбежал. Увидев, в каком я положении, с трудом вытащил мою ногу, взял меня на руки и побежал со мной в больницу. Девочка, это была наша соседка, когда увидела, что ребята не могут меня вытащить, побежала к нам домой.

Мама у дома полола грядку. Машенька подбежала, стала, плача, дергать маму за платье и кричать:

– Там! Там! Егорушка, Егорушка!

Мама сразу поняла, что случилось что-то страшное.

– Что? Где?

– Там! Там!

Когда добежали до места происшествия, то здесь все было тихо. Ребята потихоньку повезли тележку домой.

Мама, сломя голову, побежала за удалявшимся мужчиной со мною на руках.

В больнице установили вывих ноги. В больнице я, кажется, лежал недолго. Долечивали дома.

Лежал в постели с висящей ногой, к которой с двух сторон были подвешены чулки с песком.

После этого случая мне второй раз в жизни пришлось учиться ходить.

Когда мы жили в Рублеве, то маме с папанькой приходилось очень много работать.

Папанька после работы в субботу уходил в Павшино и там

работал до позднего вечера, приходил в Рублево или в воскресенье поздно вечером, или в понедельник рано утром.

Семья у нас была большая, а мама должна была всех нас обшить, накормить и ухаживать за коровой, приготовить ей корм и вовремя накормить и подоить.

И кроме того, чтобы как-то еще подработать, она готовила обед так называемым «нахлебникам». Каждый день в определенный час приходили обедать два пленных австрийца и один наш служащий Федор Федорович.

Память об австрийцах у нас осталась до сих пор. Ими был изготовлен шкаф для посуды. Стол, вешалка сделаны очень добротно. До сих пор стоят в Павшине.

Федор Федорович также остался в памяти. Он помимо обеда часто приходил к нам и вечером на чай. Он был очень веселый. Много рассказывал интересного. Любил играть с нами, с детьми. Показывал нам разные фокусы. Запомнилось, как он танцевал с куклой. Кукла была большая, примерно, как девочка 2-х годиков, в длинном платье. Кукла танцует рядом с ним самостоятельно. Он ее не держит за руку, она подняла левую руку, а правую в сторону Федора Федоровича и выделывает кренделя ногами и подпрыгивает. Федор Федорович поет и хлопает в такт танца в ладоши, опущенные на уровень головы куклы. Это представление было в Рождество в большой комнате, где была установлена елка. Мы веселились и смеялись до упаду. Свет был выключен, и лишь на елке горела одна свеча.

Федор Федорович иногда приходил с женой. Он был маленький, она же была высокой и очень красивой. Звали ее Анна Ивановна, она была врачом и работала в больнице на Баньке.

Раю в Рублеве я не помню, по всей вероятности, она в то время жила в Павшине вместе с бабой Анной.

Брата Сашу я помню в Рублеве по двум происшествиям. Один раз он пошел дома в уборную и закрылся там на крючок. Сидел он там в темноте, и когда надо было выйти, он никак не мог найти крючок. Очень перепугался, заплакал, затем стал кричать и стучать. Мама с наружной стороны говорит ему:

– Сашенька, не плачь. Доставай крючок-то, он высоко.

Долго шли переговоры. Саша не переставал плакать и открыть никак не мог. Мама всё время уговаривала его не плакать и не бояться.

– Не плачь, Сашенька. Мы тут, рядом с тобой. Слышишь меня, я здесь. Посиди немножко.

Переговоры велись долго. Мама пыталась посильнее дернуть дверь, но ничего не получалось. Хорошо, что вскоре пришел с работы папанька и он топором оттянул дверь от косяка и с силой сорвал крючок.

Саша был освобожден из неволи. Мама стала успокаивать и целовать Сашу. После этого случая мы, маленькие, в уборной не закрывались.

Сашка был старше меня на три года. Он уже начал учить-

ся в школе. И у него были свои товарищи по школе. Теперь он гулял уже часто не с нами, а в другой компании. Один раз вместе с ребятами разожгли костер вблизи поленницы дров. Случился пожар. Взрослые увидели и пожар успели быстро потушить. Помню, что Саньке тогда крепко досталось вечером от папаньки. Это наказание я тоже хорошо запомнил. Нам крепко внушили: никогда не баловаться спичками. Мы запомнили, что каждый проступок наказывается. Росли мы послушными.

Запомнилось мне по Рублеву, что в доме на том же этаже, где жила семья крестного, жили два брата Зенкины – Колька и Васька. Они были немного постарше меня – на 1–2 года и всегда дрались, и не только между собой. Но других своих сверстников били. Вот почему мы, ребята, очень редко ходили к крестному.

Таковы мои впечатления о детских годах в Рублеве.

В Павшине. Я не помню, в каком году – в 16-м или 17-м, мы перебрались обратно в Павшино.

Помню, что начал я учиться в Павшине в кирпичной школе, что за партой сидел с Егором Савиным. Так как фамилия у нас была Савины, то нас различали Савин Егор первый и Савин Егор второй. А кто из нас был первый, кто второй, я уже не помню. Смутно помню, как у нас в классе снимали иконы. И помню, первое время поп учил нас Закону Божьему в классе, а после несколько раз мы всем классом ходили

в церковь. А затем и вовсе перестали изучать Закон Божий.

Смутно помню отголоски революционных событий в Павшине. Была стрельба около церкви. На площади перед церковью был деревянный сарай, в котором хранилась противопожарная утварь. Повозка с бочкой для воды. Повозка с ручной пожарной машиной, называемой помпой. Пожарные рукава, ведра, багры, топоры, лопаты.

После перестрелки в этот сарай было закрыто несколько человек.

Папанька был большевиком. И это в Павшине знали. Помню, после этой перестрелки мимо нашего дома проходил мой сверстник – такой же мальчишка, как и я, и сказал, что большевиков скоро будут резать, и пропел мне тогда песенку.

Был царь Николашка —

была мука и кашка.

А теперь большевики —

Нет ни кашки, ни муки.

С продуктами плохо. Шла эпоха военного коммунизма. Царила разруха.

Для Москвы по реке откуда-то сверху плыли дрова. Часть дров на поворотах реки прибывало к берегу. Населению дрова брать запрещалось. Приказано было приставшие к берегу дрова отталкивать.

Помню, нас, школьников, тоже привлекали к этой работе. Мы шестами отталкивали от берега дрова и большие бревна.

За эту работу нас водили на липецкую фабрику в столовую, где кормили чечевичным супом.

Помню, один раз нас водили на экскурсию на фабрику в красильню.

Там было жарко. Из котлов валил пар. На полу кругом вода. Рабочие ходят босиком в нижних рубахах. Работа тяжелая. Но рабочие рады и такой работе. Предприятий работало мало. Большинство стояло. В ходу была песенка: «И по винтику, по кирпичику растащили весь этот завод».

В Павшино часто приезжали или приходили из Москвы рабочие или их жены с какими-то железками, самодельными гвоздями, зажигалками, топорами, ножами, угольными совками и разными другими поделками для обмена на картошку или на муку. Кто побогаче, тот имел возможность выгодно поменять не только железки, но и хорошие вещи, даже дорогие тряпки и хорошую посуду.

Хорошие вещи несла разорившаяся интеллигенция.

В это голодное время у нас с продуктами тоже было очень туго. Из скудных запасов только иногда за картошку выменивали керосин для семи- или пятилинейной лампы.

С продуктами становилось всё хуже и хуже. Помню, стали есть жмых, который предназначался для корма коровам.

Хорошо, если иногда где-то удавалось приобрести конину. Конина, наверное, была очень старая. Варилась очень долго, в котле было много грязной пены. Это, говорила бабушка, от пота. И никак не разжевывалась. Чай пили с суше-

ной сахарной свеклой. Иногда где-то доставали сахарин.

Вследствие недоедания повсеместно распространилась заразная болезнь – брюшной тиф. Больные были почти в каждой семье.

Лечебной помощи почти никакой.

У нас болели почти все, за исключением папаньки и бабы Анны.

Все лежали вповалку на полу. Лечение самое примитивное. К нам заходил какой-то старичок – то ли лекарь, то ли знахарь.

Оставил нам какую-то воду – большую бутылку, и мы перед едой выпивали этой воды по столовой ложке. Болели долго. Выздоровление шло медленно. Не было еды, не было тепла.

Некоторые семьи вымирали полностью. В церкви почти каждый день стояло по несколько покойников.

По покойникам ползали вши. Болезнь быстро распространялась, главным образом вшами.

У нас умерли Митя и Маня.

Нас поддерживали заботы папаньки и бабы Анны. Помогало нам и то, что папанька работал в Рублеве, получал кое-какие продовольственные пайки.

После тифа была большая слабость, а питание плохое. Помню, когда у меня прошел кризис и я первый раз встал, то у меня кружилась голова, я не мог самостоятельно пройти без поддержки. Передвигаясь, должен был за что-то дер-

жаться. Я в третий раз в жизни учился ходить.

В Поволжье из-за засухи и неурожая начался голод. Детей из Поволжья стали привозить в Подмосковьё. Наши соседи Собакины – тетя Таня и дядя Алексей – взяли на прокормление одного мальчика.

Несмотря на болезни и голод, жизнь шла своим чередом. Молодежь гуляла, влюблялась.

Рая у нас была старшей и красивой. Ей только что исполнилось 17 лет. Она училась в Москве на курсах машинисток. Ребята на нее заглядывались.

И вот, я помню, к нам пришли свахи – тетя Паша Вуколова и тетя Оля Никифорова. Одеты нарядно, в красивых платках. Прошли вперед, сели под матицу (среднюю потолочную балку), и стало всё понятно.

Такая примета – если гости садятся под матицу, значит пришли сватать.

Сватали за красивого статного парня, 23 лет, только недавно демобилизованного из армии Никифорова Ванюшку. В деревне почти каждая семья носила вторую фамилию. Никифоровы были в то же время Мозговы.

А с Раей часто встречался и, можно сказать, полюбил ее еще один молодой человек – красивый парень Коля Пышкин.

Бабы у колодца быстро разнесли новость о сватовстве за Раю Савину.

И в этот же день вечером к нам на велосипеде приехал

Коля. На стук вышла баба Анна. Рая была дома и плакала, ее не выпускали.

Коля тоже плакал. Но судьба уже решилась. Свадьба будет с Иваном Ивановичем Никифоровым.

Помню, я на свадебном вечере сидел рядом с невестой. Так, по обычаю я получал выкуп за сестру. Мне в то время было 10 лет. За праздничным столом мне не пришлось долго сидеть. Как только закончилась процедура выкупа, я из-за стола переместился на печку. Откуда у ребятни был наблюдательный пункт за торжеством.

Я уже учился в 3-м классе.

Брат Саша был старше меня на 3 года. И школу уже закончил. В Павшине была 4-летняя школа. Вся работа по двору: принести сена для коровы, нарубить дров, подмести двор – это стало постоянной обязанностью Саши. А когда мы купили лошадь – Копчика, он стал работать на лошади.

Лошадь покупали на Конной в Москве.

За покупкой папанька ездил с Иваном Ивановичем. Иван Иванович звал папаньку папашей, а маму – мамашей.

Копчик – красивая и сильная лошадь.

Папанька работал в Рублеве. Почти все сельскохозяйственные работы стал выполнять Саша. Он научился очень хорошо запрягать Копчика. Упряжка выглядела красиво. Стройно. Все было подтянуто. Дугу не покачнешь. Бляшки на шее, седелке и хомуте блестели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.